

ЯРОСЛАВ БАБКИН

ЧЕЛОВЕК В ШЛЯПЕ
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО

Ярослав Бабкин
Человек в шляпе
и призраки прошлого

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305544
ISBN 9785448391453*

Аннотация

Действие романа происходит в альтернативной реальности середины 30-х годов XX века. Доцент Танкред Бронн уже обдумывает свои планы на грядущий брак, когда его невеста внезапно исчезает, а сам он, отправившись на её поиски, оказывается втянут в игру разведок, криминальные разборки и секретные исследования. Удастся ли ему вернуть пропавшую невесту, и что он найдёт на своём пути, кроме приключений на свою голову?

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	48
Глава третья	66
Глава четвёртая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Человек в шляпе и призраки прошлого

Ярослав Бабкин

© Ярослав Бабкин, 2017

ISBN 978-5-4483-9145-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– И что ты об этом думаешь? Ты всё ещё недоволен?

– Нет. Почему. Тебе очень идёт эта шляпка...

– Спасибо, но я имела в виду другое...

– Дорогая, я тебе уже говорил... Родители – это святое, но с чего, вдруг, такая поспешность? Мы же вроде планировали визит под Новый год?

– Могла я просто захотеть? Мой каприз, в конце концов. И да, ты жуткий домосед, ты в курсе?

– Да. И я этим горжусь. Я так набегался по миру, что заслужил возможность посидеть дома и заняться, в конце концов, наукой...

– Дома? Да ты буквально весь дом завалил своими книгами, рукописями, черепками и старыми железками. Мне уже начинает казаться, что я живу не в библиотеке, не то в музее...

– Между прочим, старые канистры и мотоцикл в чулане – не мои...

– Ну, Танкред, не начинай опять...

– Ладно, ладно, Эрика. Такси, похоже, уже здесь.

Я выглянул в окно. Сквозь покрытое каплями стекло едва проступали контуры чугунных фонарей рядом с галантерейным заведением пана Старека. Прямо под вывеской на мокрых булыжниках притулился угловатый старенький «Хорьх»

с характерными шашечками на дверце.

– Передавай мои наилучшие пожелания родителям.

– Обязательно, дорогой.

– Будь осторожна в дороге, и не забывай носить шляпку на солнце, в Калифорнии очень яркое солнце...

– Я уже большая.

– В газетах писали про необычно крупные айсберги в этом году... как пересечёшь Атлантику – телеграфируй.

– Обязательно.

– И не забудь передать мой привет Говарду, если встретишь...

– И его вечным осьминогам? Тоже обязательно, но не знаю, удастся ли мне его разыскать, на восточном побережье я буду только проездом. Впрочем, ему и Бобу ты всегда можешь написать сам... У последнего, к слову говоря, на днях вышел новый роман. Отличный повод для вас немного пообщаться.

– Я слышал про роман, Боб настырный, как и все техасцы... К тому же публика такое любит. Сильные мужчины, красивые женщины, много действия... а ещё бумажная обложка и низкие цены.

– Вот только не надо ехидничать. Ты сам говорил, что он далеко пойдёт.

– Я и не спору. Но это развлекательное чтиво.

– И что в этом плохого?

– Решительно ничего, но...

– Вот-вот. И я уверена, что за их книгами – будущее...

– Ты преувеличиваешь...

Нас прервал звонок в дверь. На пороге возник насквозь мокрый и крайне раздражённый таксист в кожаной куртке и гранёной фуражке.

– Машину заказывали?

– И не забывай писать, дорогая, родной дом – это родной дом, но надеюсь, что ты не задержишься там до следующего учебного года.

– Я постараюсь...

– Звучит как-то подозрительно грустно.

– Почему... и ничуть не грустно... просто я...

– Что?

– Ничего. Забудь... И не вздумай в моё отсутствие заглядывать на хорошеньких студенток, Танкред.

– Обещаю.

Глава первая

Я сбежал по каменным ступеням, и водрузил стопку книг на деревянный столик рядом с большой лампой. В её полированном зелёном абажуре на мгновение отразились мои всклокоченная голова и слегка помятый галстук-бабочка над воротником джемпера. Библиотекарь бросил на меня взгляд через конторку, вздохнул, извлёк откуда-то из недр вязаных жилетов и суконных тужурок неожиданно огромные карманные часы на толстой латунной цепочке, внимательно изучил их и укоризненно покачал седой головой.

Я примирительно улыбнулся и пожал плечами. Библиотекарь снова вздохнул, поставил росчерк в талоне и начал перекладывать книги вниз. Я в ожидании смотрел по сторонам. Уже стемнело, и библиотечный холл погрузился в глубокий сумрак, едва сдерживаемый мерцанием одинокой лампы. Возле неё, на отполированной бесчисленными читательскими рукавами столешнице, лежала пачка формуляров. От нечего делать я пробежался взглядом по заголовкам карточек. Многие имена я знал. Университетская библиотека располагала вполне устоявшейся клиентурой. Вот старый председатель кафедры восточной философии, вот Вернер – молодой, но многообещающий профессор физического факультета, недавно перебравшийся к нам из Дании, вот... странно. Альфред Геллинг. О нём я слышал, но не знал, что-

бы он бывал в наших краях. Надо будет как-нибудь спросить...

Библиотекарь закончил перекладывать книги и вернул мне мой читательский билет.

– Я ещё зайду завтра... – предупредил я, – нужно готовиться к лекциям.

– Те же самые? – спросил библиотекарь, делая какие-то пометки в формулярах.

– Да. И ещё «Лингвистический ежегодник» пятый выпуск, пожалуйста...

Он обречённо кивнул. Я снял с вешалки плащ и шляпу и вышел на улицу. Там шёл дождь. Он не кончался уже неделю, с самого отъезда Эрики. Бесчисленные лужи блестели и на новомодном асфальте, и на старой доброй брусчатке. В них разноцветными созвездиями дробилось и отражалось электрическое сияние витрин и фонарей. Я поднял воротник, надвинул шляпу и заспешил по вымощенному плитам тротуару. Колёса проезжавших автомобилей выплёскивали электрические созвездия, заставляя их переворачиваться и складываться в новые вселенные и галактики, замиравшие лишь на мгновение, чтобы минуту спустя опять подвергнуться акту творения под новой парой резиновых скатов. Я увернулся от нескольких шальных планет, и заспешил по мостовой к позванивавшему на углу трамваю.

Вагоновожатый ждать меня не собирался, но пока он пропускал мебельный фургон, я успел добраться до задних две-

рей и вскочить на площадку. Скопившиеся на полях моей шляпы дождевые капли слетели на стоявшего рядом шуплого типа в кепке, который пробурчал что-то вроде «а ещё очки надел...». Я ограничился дежурной извиняющейся улыбкой и протолкнулся к одетому в суконную шинель кондуктору. Смерив меня оценивающим взглядом, тот слегка фыркнул в пышные моржовьи усы, но билет выдал. Я устроился на фанерном сидении и повернулся к окну. По запотевшему стеклу бежали дождевые струйки. За стеклом простиралась лишь темнота, разрываемая лишь вспышками одиноких фонарей.

Напротив меня устроился солидного вида мужчина в промокшем пальто и старомодном котелке. Он листал вечернюю газету, периодически хмыкал и качал головой.

– Нет, вы только посмотрите! – негромко воскликнул он, тыча пальцем в разворот, – совсем никакого порядка не стало!

Я бросил взгляд на заголовок статьи.

*В убийстве видного британского деятеля
подозревают боевиков ирландской группировки «Фох
о баллах».*

– Одну войну из-за покушения на кронпринца мы уже получили... – пожал я плечами, никто не учится на своих ошибках.

Обладатель котелка хмуро посмотрел в мою сторону, что-то пробурчал и уткнулся носом в газету. Я отвернулся и про-

должил рассматривать струйки на окне.

Трамвай останавливался у меня практически под окнами, что, несомненно, сейчас было весьма кстати. В отличие от раннего воскресного или субботнего утра, когда грохот проезжавшего на рассвете трамвая мог пробуждать во мне на редкость кровожадные мысли в отношении технического прогресса, его достоинств и недостатков.

У дверей я натолкнулся на полного мужчину в котелке и старомодном пальто.

– Пан Танкред? Вот уж кого не ожидал увидеть во время каникул. Да ещё в такой дождь. Я был абсолютно уверен, что вы с пани Эрикой сейчас отдыхаете где-нибудь на тёплом море.

Это был Ян Старек – владелец галантерейного магазина и по совместительству любящий дядюшка одного из не самых бестолковых моих студентов.

– Да нет. Остаюсь в родных пенатах, пан Янош. Готовлюсь к очередному семестру.

– Вредно так много работать, пан Танкред. Вы себя не щадите... Кстати я слышал, Вас рекомендовали к должности профессора? Это такая честь для моего сына быть учеником настоящего профессора, пан Танкред.

– Постучите по дереву, пан Янош, пока ещё ничего не определилось.

– Я уверен, пан Танкред, они не смогут обойти такого приятного человека как Вы... Это было бы просто несправедли-

во.

– Будем надеяться, справедливость восторжествует, – улыбнулся я.

Стекавшая с угла парадного дождевая струйка норвила угодить мне точно за воротник. Пришлось слегка поправить шляпу.

– Кстати, пан Танкред, – оживился галантерейщик, – я недавно вернулся с юга...

– Я заметил у вас загар, но... – попытался я остановить поток его красноречия, мой плащ уже основательно намок, а мысль продолжить беседу в более сухом месте галантерейщику в голову упорно приходиться не желала.

– О да. Италия – отличное место. Так я вот что хотел сказать...

– Да? – я нервно пошевелил мокрыми плечами.

– ... вы не поверите, пан Танкред, я видел юную даму как две капли воды похожую на пани Эрику! Даже поздоровался... О боже, это был такой конфуз. Честное слово, если бы пани Старек только узнала, что я здоровался с незнакомыми юными дамами! Но клянусь, я был просто уверен, что это пани Эрика!

Галантерейщик никак не оставлял мысли осчастливить нас своими товарами, особое внимание уделяя именно Эрике. Увы, совершенно безуспешно. Вот если бы он торговал лётными комбинезонами и шлемами. Или запчастями к двигателям внутреннего сгорания и радиодетальями. Тогда

у него были бы неплохие шансы. Но для обычного галантерейщика клиенткой она была крайне неблагодарной. Хотя недавно я видел у него в витрине кожаную мотоциклетную куртку, возможно, пан Старек всё ж таки сделал некоторые выводы...

– Действительно не поверю, – усмехнулся я, – пани Эрика сейчас у родителей в Америке.

– Вот оно как... – вздохнул галантерейщик, который видимо был бы не особо против, окажись незнакомая юная дама лишь его соседкой, что явно бы избавило его от тягостных размышлений, что бы случилось, узнай об этом случае пани Старек, – передавайте ей поклон, как будете писать.

– Обязательно. А вы передавайте моё глубочайшее почтение пани Старек.

Мы раскланялись, и я смог, наконец, очутиться под крышей. Проклятый дождь. И когда он только кончится? Увы, ночная темнота за окном так ничего мне и не ответила.

Звонок в дверь оторвал меня от утреннего поединка с яичницей. Эрика вообще-то готовила не слишком охотно, но отчего-то её персону вызвала просто неукротимый приток материнских чувств у державшей на первом этаже бакалейную лавочку фрау Агаты. Чувств, как правило, приобретающий формы «я уверена, вам очень понравится этот пирожок» или «обязательно попробуйте эти свежие кнедлики» чем мы совершенно беззастенчиво пользовались. Увы,

моя персона столь магического действия не оказывала. Скорее наоборот. Увидев меня, фрау Агата мрачнела и ворчала что-то на тему «такая девушка, а он всё с женьитьбой тянет». В любом случае отъезд Эрики оставил меня один на один с кухней. И кухня явно побеждала... пока только по очкам, но меня не оставляло чувство, что рано или поздно дело может кончиться нокаутом.

Я отложил сковородку и пошёл открывать дверь. Это оказался Марко – наш консьерж и представитель домовладельца. Пожилой, но ещё крепкий, он перебрался сюда из Хорватии после войны и революции.

– Насчёт крана... – Марко показал мне лоток с ключами и прочим инструментом.

Я кивнул.

– Как же, помню, чаю хотите?

– Не надо, у меня много работы – он говорил медленно, с едва заметным акцентом.

Но чайник я всё равно на огонь поставил.

– Прокладка в кране, – сообщил мне Марко, когда я вернулся в ванную, – заменить надо.

Он полез в недра своего переносного инструментального лотка, а я присел на край ванны.

– Какие новости?

– Дожди продолжают, – сообщил консьерж, извлекая на свет коробочку, наполненную резиновыми шайбами, – в Помереллии выборы. На Тихом океане снова кризис.

– Опять? – несколько деланно удивился я... в конце концов надо же было поддержать разговор?

– Уже третий за последние пару лет. Всё ископаемые делают. Нефть, говорят. Как бы войны не было...

– Да уж, – вздохнул я, – только войны им и не хватало. И ведь пожалеют потом. Мы вот после одной-то никак отойти не можем.

– И то верно, – Марко со скрипом провернул ключ – поговорим о чём-нибудь мирном. Госпожа Эрика, я так думаю, отправилась на юг?

Я фыркнул.

– И с чего все вдруг решили, что она отправляется на юг? Марко развёл руками.

– Она просила выписать ей несколько итальянских фраз, и я подумал, что она собралась на юг. Тем более такая погода...

– Эрика поехала к родителям, – пробурчал я, – и с чего ей вдруг понадобились итальянские фразы? Вот можете мне сказать, с кем она будет говорить на итальянском в Калифорнии?

Консьерж лишь снова развёл руками.

– К тому же я и сам говорю по-итальянски. Могла бы и меня попросить... – добавил я.

Марко убрал ключ и вытер руки ветошью.

– Всё. Теперь не будет подтекать.

Я посмотрел на кран.

– Спасибо. Может всё-таки чаю?

– Да не за что, – Марко расплылся в широкой улыбке, – мне ещё надо на третьем этаже проводку заменить, а то такая сырость. Боюсь замыкание может быть.

Закрыв за ним дверь, я подошёл к окну, и с тоской поглядел через стекло. Нескончаемый дождь превратил лежавший там мир в унылую серую муть.

– Так. Надо заняться делом!

Я обернулся и посмотрел на письменный стол. Рядом с видавшей виды пишущей машинкой покоилась так и не дописанная мною статья для «Археографического альманаха». Бодро направившись к столу, я несколько раз перелистал стопку бумаг, и отложил их в сторону. Вдохновения не было. Похоже у музы истории Клио явно имелись сегодня более важные дела, нежели посещение моей скромной персоны. Я отложил черновики статьи и прошёлся по кабинету. Из головы не выходили слова Марко.

Нет, ну в самом деле, зачем ей импровизированный итальянский разговорник в Калифорнии? Может мне кто-нибудь это объяснить?

Ответа не было. Немного побродив, я пришёл к выводу, что при следующей встрече с Марко надо будет поговорить с ним про вопросы квартирного отопления, накинул шерстяную кофту и устроился за клавиатурой старенькой машинки. Купленная по случаю и кое-как отремонтированная, она знавала и лучшие времена. Но увы, они остались дале-

ко в прошлом – а теперь клавиши её постоянно западали, спутываясь лапками, а шрифт не всегда был разборчивым, что очень нервировало редакторов научных журналов. Тем не менее, она служила мне верой и правдой уже несколько лет, и все предложения Эрики всё ж таки напрячься и накопить на новую, пока оставались безответными. Я слишком привык к этой скрипучей и заикающейся, но хорошо знакомой машинке будто к старому другу и помощнику. Я даже украдкой подмигнул старой латунной надписи «Вагнер и Ундервуд» ... Пальцы, ощутив под собой металл клавиш, забегали сами собой и я на какое-то время позабыл об итальянском разговорнике.

К реальности меня вернул телефонный звонок. Не люблю телефон. Если он звонит, это означает, что либо что-нибудь случилось, либо я кому-то очень срочно понадобился. А последнее тоже означает, что что-нибудь случилось...

– Слушаю?

– Танкред Бронн... то есть я хотела сказать доцент Танкред Бронн... то есть...

– Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

– Вы меня, может быть, не помните...

– Ну, если вы представитесь, это сильно увеличит шансы, что я вспомню...

– Ой... Конечно. Меня зовут Линда. Линда Бендикт.

Я напряг память. Из её глубин всплыло молодое округлое лицо с веснушками, большие голубые глаза и короткая при-

чёска...

– Кажется, я вас припоминаю. Вы ещё хотели записаться на семинары по археологии мезолита. Правильно?

– Да-да, именно. А ещё я очень хотела обсудить с вами недавнюю статью в «Вестнике каменного века». Ну ту, про огамические надписи, помните?

– Да, что-то такое было...

– Вы просили вам перезвонить через две недели, вот я и...

Я уловил ожидающую интонацию.

– Честно говоря я почти совсем забыл... Но, думаю, мы можем встретиться. Вечером. Вы в курсе, где находится читальный зал общественных наук?

– Конечно.

– Я планирую там поработать часов с восьми. Сможете подойти?

– Да-да. Я буду. Я не займу много времени. Обещаю.

– Отлично...

Я повесил трубку. Однако. Я действительно напрочь забыл, что обещал прокомментировать ей ту статью... И неужели уже две недели прошло? Следует поторопиться, так не успеешь оглянуться, как учебный год начнётся.

Продвинув телефонный аппарат к стене, я вдруг обнаружил, что, во-первых, уже далеко за полдень, во-вторых мой желудок сильно возмущён пропущенным обедом, в третьих – пожалуй уже настало время зажигать свет. Окна и так небольшие, а свинцовые тучи и густой дождь прилагали все

усилия, чтобы задержать максимальное количество света.

Бурча про себя, я поплотнее запахнулся в шерстяную кофту и зашаркал войлочными подошвами тапочек в сторону кухни. Там меня ждало неприятное открытие – макароны закончились. Более сложные кулинарные решения меня однозначно не вдохновляли. Я посмотрел через оконное стекло на змеившиеся по булыжникам мостовой ручейки. Они меня тоже не вдохновляли. После некоторой внутренней борьбы я всё же решил, что дождь не вдохновлял меня меньше.

Я прошаркал обратно и совершил ещё одно открытие – в кошельке у меня оставалась только мелочь. С ворчанием я направился к комоду. Где-то здесь должен быть конверт с деньгами. Эрика вечно засовывает его на самое дно... Ну вот скажите, кому придёт в голову обокрасть бедного доцента? Я выдвинул ящик и начал извлекать оттуда связки писем, каталоги моторов, замасленные описания каких-то агрегатов, фотографии с дарственными надписями «От Освальда и Манфреда на память» и «Артур Рой для Эрики Витт с наилучшими пожеланиями», сложенные листы кальки со схемами и чертежами, новенький паспорт и всякий прочий хлам. А вот и конверт с деньг... Стоп. Паспорт? Откуда здесь паспорт?

Я вытащил паспорт, раскрыл и некоторое время тупо рассматривал надпись «Эрика Витт». Потом закрыл, аккуратно убрал обратно в комод и сел на стул.

Телеграмма из Бостона лежала у меня на столе, и я был

абсолютно уверен в её существовании. Тем не менее, встал, дошёл до стола и перечитал.

дорогой танкред зпт плавание прошло хорошо зпт я на месте тчк завтра выезжаю трансконтиненталом в калифорнию тчк целую эрика

Для надёжности я даже внимательно изучил бланк и все пометки. Это действительно была телеграмма из Бостона. Но Эрика никак не могла попасть в Бостон без паспорта...

Пять минут спустя я ворвался в галантерейный магазин Старека.

– О, пан Танкред, как я рад вас вид... что-то случилось?

– Нет. Ничего. Решительно ничего. Я спокоен. Я совершенно спокоен.

За стремительно вышедшей из магазина покупательницей с грохотом захлопнулась дверь. Хозяин проводил клиентку разочарованным взглядом.

– Так что вы говорили, пан Танкред?

– Это вы говорили.

– Э-э-э?

– Вчера. Вечером. Вы говорили, что были на юге и видели...

Пан Старек чуть сконфузился и бросил пугливый взгляд в сторону задней двери.

– Да, да, – пробормотал он негромко, – я помню.

– Где?! Где именно?

– Рагуза. Честное слово это была вылитая пани Эрика, клянусь. И что поразительно, её сопровождал огромный негр! Честное благородное слово! Настоящий негр. Чёрный. И вы не поверите, у него были рыжие волосы! Вы просто не поверите, но я видел это собственными глазами!

Я поверил...

Машина подкатила к открытой подъёмной решётке и въехала в аккуратно посыпанный белым гравием внутренний дворик. В глаза сразу бросились ряды новеньких электрических фонарей. Что удивительно – смотрелись они довольно уместно и совершенно не выбивались на фоне старинных каменных стен и кованых решёток. Архитектор недаром ел свой хлеб. Чуть поодаль, в темноте бывшей конюшни, за широко распахнутыми воротами, проступали силуэты ещё нескольких автомобилей. На пороге стоял какой-то механизм, возле которого хлопотал рослый чернокожий мужчина в промасленном синем комбинезоне и повёрнутой задом наперёд кепке. Заметив подъехавшую машину, он улыбнулся, слегка поклонился и снял кепку. Под ней оказалась копна довольно светлых и густо выующихся волос с лёгким золотисто-рыжеватым оттенком.

– Ваш механик? – спросила Эрика.

Ласло кивнул.

– С крашеными волосами? Или это парик?

Он рассмеялся.

– Нет, волосы настоящие, в тех краях дети часто появляются на свет с чёрной кожей и белокурыми волосами, которые с возрастом темнеют. Однако не у всех.

– Вам нехорошо? – переполошился галантерейщик.

– Нет, нет. Всё в порядке... У вас найдётся какой-нибудь стул?

– Вот. Присаживайтесь. Я сейчас принесу что-нибудь выпить...

– Не стоит хлопот...

Ошибки быть не могло. Это мог быть только он... Его механик... Проклятый трансильванец. Ласло Фледерштейн. Граф.

В моей памяти замелькали события месячной давности.

– Наш поезд отходит с третьего пути, дорогой.

Стоявший в указанном направлении колоссальный локомотив менее всего ассоциировался с трансильванской деревней. Длинный обтекаемый корпус, аэродинамические кожухи над колёсами и шатунами, встроенные в кожухи фонари – ожившая в металле иллюстрация из дизайнерского каталога от «Лоуи и Драйден». Всем своим обликом паровоз наводил скорее на мысли о Большом Восточном экспрессе, нежели о провинциальных узкоколейках бывшей Тройственной Монархии...

– Ты уверена? Надеюсь, мы собираемся не в Багдад?

Эрика рассмеялась.

– Нет, просто в Трансильвании, наконец-то, построили нормальную железную дорогу. Через пару лет её должны соединить с линией Бухара – Одесса.

– Да, газеты что-то об этом писали, – пробурчал я расстроенно.

Мог бы и сам догадаться. Этот железнодорожный проект был одной из самых популярных новостных тем, именовался журналистами не иначе как «новое рождение Великого Шёлкового пути», и не слышать о нём мог разве что человек не знакомый с печатными изданиями и радио в принципе.

Разобравшись с багажом и билетами, мы поднялись в купе. Оно оказалось на верхнем ярусе двухэтажного вагона.

– Ты решил сэкономить на билете?

– Зато какой вид из окна...

– Можно было взять места и внизу.

– Мы едем не на другой конец Европы. Я посмотрел расписание. Такое впечатление, что они составили его уже в расчёте на рейсы минимум до Яркенда или Турфана... В общем мы будем на месте меньше, чем через восемь часов. Знать бы только зачем...

– Ты решительно не умеешь организовывать путешествия, дорогой.

– Да. И я этого совершенно не отрицаю. Я терпеть не могу дороги... Посмотреть новое – может быть и интересно, но вот вся эта суета с поездами, кораблями, цеппелинами,

аэропланами... ужас какой-то.

– Я тебе говорила, что ты жутко изменился? Когда мы впервые встретились, ты собирался лететь на край света в грузовом отсеке почтового самолёта, а твой костюм был порван накануне в какой-то драке... Никогда бы не подумала, что ты всего за какие-то пару лет превратишься в обыкновенного буржуа в неизменных очках и бабочке...

Провинциальная трансильванская станция вполне оправдала мои ожидания. Обязательные кудрявые перелески, мягкие увалы холмов на горизонте, добротные побеленные домики с потемневшими от времени черепичными крышами и неизменно облупившаяся тёмно-зелёная краска на вокзальном заборе. Всё как при давно канувшем в лету старом режиме. Разве что традиционный штандарт Тройственной Монархии уступил своё место над станционным зданием сине-красно-жёлтому флагу Трансильванской республики.

Куда большей неожиданностью оказался дожидавшийся нас роскошный автомобиль. Лакированный новенький кабриолет модной кофейно-кремовой расцветки. На разбитой тележными колёсами брусчатке он выглядел настолько чужеродно, что вызывал острое желание лишний раз протереть глаза.

Рядом, облокотившись на машину, стоял подтянутый и довольно молодой человек спортивного вида. Видимо шофёр. Чуть выше среднего роста, белокурый, и стройный, в трикотажной безрукавке, гольфах и кепке. Заметив нас, он

с неожиданным изяществом поклонился.

– Рад вас приветствовать, господа, – граф Ласло фон Фlederштейн к вашим услугам.

Краем глаза я заметил вышитый на безрукавке алый щиток герба с чёрной летучей мышью.

– Очень приятно...

Граф тепло, на мой взгляд, даже излишне тепло, поприветствовал Эрику, а я занялся чемоданами.

– Сюда, пожалуйста, – граф распахнул скрывавшуюся под запасным колесом створку багажника.

– Хорошее у вас авто, – я начал загружать чемоданы в небольшую ёмкость в задней части машины.

– Что не удастся разместить, можно будет положить в салон, – улыбнувшись, предложил граф, – а автомобиль хорош, пока не начались осенние дожди. Правительство республики склонно уделить всё внимание железным дорогам, а обычные пребывают в некотором, можно сказать, запустении...

– Честно говоря, я ожидал чего-то более традиционного в плане транспорта, – признался я, покончив с багажом.

– Двенадцать цилиндров? – поинтересовалась Эрика, разглядывавшая вытянутый нос автомобиля.

– Шестнадцать, – уточнил Ласло, – семь и четыре десятых литра.

– Ого...

– Литра? – переспросил я.

– Рабочий объём, он влияет на мощность...

– Можешь не объяснять, – заулыбалась Эрика, – Танкред ничего не понимает в технике. Только в иероглифах и древних свитках. Так что не вздумай заговорить с ним о каких-нибудь хотанских рукописях или кушанских храмах. Умрёшь от скуки...

– Ты преувеличиваешь, дорогая...

– Ну ладно, ладно, ты очень занимательно рассказываешь, не спорю. Но давай хотя бы не здесь.

– Ну что вы, я с удовольствием послушаю, – улыбнулся граф, – жаль, что доктор Альфред Геллинг был вынужден уехать...

– Ого, – теперь это была уже моя реплика, – вы с ним знакомы?

– Имею такую честь. Мы уже давно вели переписку, – скромно улыбнулся Ласло, – я немного интересуюсь антропологией. Ничего серьёзного, просто хобби. Я даже пригласил его погостить у меня в замке. Увы, ему пришлось направиться по срочным делам в Пресбург. Жаль, что вы с ним не сможете встретиться.

– Очень. Я как раз хотел обсудить несколько его гипотез...

Тут машина тронулась, налетела на ухаб, и я чуть было не прикусил себя язык.

– Увы, я же говорил, дороги – одна из самых значительных проблем нашей молодой республики, – посетовал граф.

– Это что, вспомните африканские, – засмеялась Эрика, – вот там ухабы, так ухабы.

Мы выехали со станционной площади, и машина, урча мотором, покатила к возвышавшимся на горизонте лесистым холмам. Равнину заполняли бесконечные поля – капуста, кукуруза, подсолнухи. Затем мы миновали небольшую речку, и дорога пошла вдоль опушки леса.

– Вы когда-нибудь уже бывали в Трансильвании? – спросил граф.

Эрика отрицательно покачала головой. Я поморщился.

– Доводилось... в войну. Маршем в Валахию.

Ласло понимающе кивнул.

– Да, тяжёлые времена, – он повернул руль, дорога покинула равнину и начала забирать в лес, – мне стоило большого труда сохранить замок. Только в прошлом году я, наконец, расплатился с долгами и выкупил закладные. Вы ведь помните, как это было? Тогда, сразу после революции.

– Он был за границей, – торопливо вмешалась Эрика.

– В плену, – уточнил я, – кампания на Ближнем Востоке завершилась для имперской армии не самым лучшим образом...

– Я тоже служил... в гусарском полку, – вздохнул Ласло, – но плена мне удалось избежать. Давайте лучше поговорим о чём-нибудь более оптимистичном.

Я поглядел на пробегавшие за окном машины хмурые заросли – наш путь шёл через густой лес. Оптимистичным тот ни разу не выглядел.

Заметив мой взгляд, граф усмехнулся.

– Каждый, кто приезжает в Трансильванию первым делом спрашивает про графа Дракулу... Этот ирландский литератор, Стокер, создал нашей молодой республике мировую славу. Хотя и несколько, хм, своеобразную...

– Даже такая слава, лучше никакой, – вмешалась Эрика, – к тому же не самый плохой роман, если честно.

– Не люблю мистику, – пробурчал я.

– Вы с ней и не столкнётесь, – заверил меня граф, – наша страна вполне реальна, а я не имею привычки летать по ночам, прикинувшись летучей мышью. Предпочитаю аэропланы. Технический прогресс – вот наше будущее, и я всеми силами пытаюсь содействовать его продвижению. И возьму на себя смелость заметить, даже кое-чего добился.

– Эрика говорила что-то про электричество...

– Именно. Мне удалось электрифицировать замок и несколько прилежащих ферм. Я также планирую найти в здешних местах нефть.

– Нефть?

– Именно. Не уголь – хлеб промышленности, а нефть. Времена меняются, но, увы, многие этого не понимают. Именно нефтедобыча – будущее мировой экономики.

– Я не очень силён в геологии, но всё же. Разве в горах бывает нефть?

– Результаты моих изысканий, надо сказать, весьма обнадеживающие. Я даже планирую заключить несколько контрактов...

Машина сделала ещё одну петлю на лесной дороге, и между густыми кронами открылся вид на возвышавшийся на вершине холма замок.

– Добро пожаловать во Фледерштейн, – улыбнулся Ласло.

– Довольно таки глухое место, – заметил я.

– В те времена расположение жилища выбирали из оборонительных соображений, – вздохнул Ласло, – замок стоит на господствующей высоте и закрывает старую тропу через перевалы. Раньше здесь располагался удобный путь в долину, а наша история никогда не была особенно мирной.

Я внимательнее посмотрел господствовавший над лесом замок. Это было довольно тяжеловесное и слегка замшелое сооружение из тусклого бежевого камня.

– Первую башню здесь возвели рыцари Тевтонского ордена, – продолжил граф, – все помнят об их роли в Прибалтике, но мало кто знает, что сперва рыцари обосновались здесь, но были затем изгнаны венгерским королём. Родоначальник фон Фледерштейнов – рыцарь Конрад – остался в этих местах, избрав присягу королю Андрашу. Его дальний потомок Люциус получил графский титул за доблесть, выказанную им в войне императора Фердинанда Второго против короля Фридриха Саксонского, сына достопамятного Морица Великого. Мой предок служил капитаном в армии Тилли.

– Ваши предки были добрыми католиками?

– Недостаточно добрым католикам было тяжело сохранить владения и титулы в империи последних Габсбургов, –

усмехнулся Ласло.

– Зато легко при турках и Ракоци. Судя по тому, что я вижу, – заметил я, – замок в основном возведён несколько позже. Возможно даже при Виттельсбахгах. Я бы предположил самое раннее – в конце семнадцатого века.

– Вы совершенно правы, большая часть построек была сооружена при внуке Люциуса – графе Ференце, во время большой войны. В те годы по старой горной тропе проходили самые разнообразные армии – поляки, турки, венгры. Даже испанские терции короля Бальтазара добирались до наших краёв. Да и как вы справедливо заметили, после падения Габсбургов добрым католикам в наших краях надолго стало не слишком то уютно. В общем, у Ференца был повод укрепить и перестроить замок.

Я кивнул. Хмурые старые бастионы выглядели достаточно убедительно даже для многочисленной армии, а крутые склоны не давали разместить вокруг осадную артиллерию. Предки Ласло явно знали толк в фортификации.

– Вот выпейте...

Я вернулся к реальности. В данный момент реальность предстала образом Яна Старека с подносом и стаканом воды.

– Спасибо.

Я осушил стакан.

– Боюсь, я наговорил лишнего, пан Танкред, – вздохнул галантерейщик, клянусь, если бы я что-то подозревал...

Позади зазвенел подвешенный к двери колокольчик. В проёме показался укрытое намокшей пелериной кепи патрульного старшины.

– Всё в порядке, пан Янек?

– В полном, пан старшина, хотите сливовицы?

– Я на службе, – смущённо прогудел гость, потупившись и чуть шевельнув густыми усами.

– Значит пива, – сделал вывод галантерейщик, извлекая откуда-то пару огромных кружек, – и не вздумайте отказываться. Вам просто необходимо чуть-чуть посидеть в тепле. На улице такая сырость. Кто будет оберегать наш покой, если вас опять разобьёт ревматизм? Вот и пан Танкред составит нам компанию...

– Фрау Хельмиц сказала, что к вам кто-то ворвался... – оправдательно сообщил старшина, снимая мокрый клеёнчатый плащ и вешая его на рогатую деревянную вешалку у дверей.

– Ей показалось...

Я автоматически выпил поданное галантерейщиком пиво, не ощущая вкуса. Проклятый трансильванец. Он всё-таки своего добился. Я опять утратил связь с реальностью, утонув в воспоминаниях.

Ласло притормозил у парадного входа. С крыльца сошёл грузный человек в тёмном костюме и чёрном котелке. Судя по лицу, он был китайцем или японцем.

– У вас служат довольно интересные люди, – заметил я, выбираясь из машины на хрустящий гравий.

– Увы, после революции всех прежних слуг пришлось уволить, так что теперь я опираюсь на содействие исключительно тех, кого мне удалось встретить во время странствий по миру. С тех пор как закончилась война мне довелось немало путешествовать и заниматься самым разным бизнесом в совершенно неожиданных уголках света... Собственно во время одного из таких предприятий я и повстречал очаровательную Эрику.

Он галантно поклонился. Она чуть зарделась в ответ.

– Да-да, помню, ты тогда ещё работал с какими-то дровяными торговцами из Анголы. Кажется, фирма называлась «Альвец и Перейра»?

– А у тебя отменная память. Да, это были именно они, весьма солидная фирма, мы до сих пор иногда сотрудничаем... Но не будем отвлекаться. Пойдёмте же в дом. Тунг, друг мой, позаботьтесь о багаже, пожалуйста.

Человек в котелке молча кивнул и направился к багажнику. Из машины он показался мне не слишком рослым, видимо из-за плотного, даже коренастого, телосложения, но сейчас я понял, что он чуть ли не на полголовы меня выше. Более стройный и невысокий граф на фоне своего дворецкого так и вовсе смотрелся карликом. Двигался слуга с мягкой и чуть ленивой грацией профессионального борца, и я мог поклясться, что, несмотря на всю грузность фигуры, под

чёрным сукном его костюма не скрывается ни капли лишнего жира.

– Господин Тунг, – заметил Ласло, – очень полезный и исполнительный человек, разве что несколько молчаливый, но я привык.

– Где ты его нашёл? – удивилась Эрика.

– В юго-восточной Азии, я там вёл дела с одной... скажем так у нас были общие знакомые и я смог переманить Тунга от них к себе на службу.

Я проводил странного дворецкого взглядом и последовал за графом внутрь.

Обширный холл завершался мраморной парадной лестницей, уходившей на второй этаж. Нижний её пролёт замыкала площадка с двумя пустыми вазами, в которых, должно быть, некогда располагались пальмы, или ещё какая декоративная растительность. Но сейчас там располагались лишь остатки паутины. Стену между вазонов заполняло внушительное панно, изображавшее трёх граций, каждая из которых символизировала одну из частей канувшей в лету Тройственной монархии. Грации игриво прикрывались гербовыми щитами, уточнявшими которая из них какой фрагмент империи олицетворяет. Блондинка несла эмблемы Богемии, Баварии, Моравии, Тироля и австрийских земель. Шатенка – Венгрии, Трансильвании, Кroatии, Сербии и Далмации. Щит брюнетки был украшен гербами Савойи, Венеции, Романьи, Неаполя, Сицилии и Албании. На заднем плане

скромно расположились ещё две смуглые девушки, видимо должны представлять имперские колонии.

Эрика остановилась у картины.

– Красиво...

– До, но увы не современно. Нынешние трансильванские власти считают его слишком верноподданическим и старорежимным... – вздохнул Ласло, – но это семейная память. Мой прадедушка был известным ценителем живописи. Панно написал один художник, подобранный им в Вене... Паренёк был всего лишь театральным декоратором, но на деда произвёл исключительное впечатление. Тот даже оплатил ему обучение в академии. Говорят, позже он стал довольно таки популярен в Париже. Увы, к моему стыду не могу сейчас вспомнить, как его звали...

– Альфонс...

– Что?

Я обернулся и заметил спускавшуюся по боковой лестнице молодую женщину. У неё была неожиданно светлая, словно фарфоровая, кожа и тёмно-рыжие, отливавшие медью волосы.

– Так его звали, – уточнила незнакомка.

– Кого? – не понял я.

– Художника, – женщина смерила меня раздражённым взглядом.

– Позвольте представить, – вмешался Ласло, – Альжбета Йоргович, моя ближайшая помощница и секретарь.

Помощница снисходительно наклонила голову. Я представился.

– Танкред Бронн, доцент.

– Очень приятно.

Она развернулась и ничего больше не говоря стала подниматься по лестнице.

– Вы, кажется, интересовались старыми книгами? – отвлёк меня голос графа.

– Н-н-да... наверное... да.

– Чуть позже нас ждёт небольшой ужин, а пока вы можете отдохнуть с дороги, и если захотите, то ещё и осмотреть замковую библиотеку.

Я кивнул и огляделся. Холл замка был чисто убран и неплохо освещён, но всё же производил впечатление не слишком жилого помещения. Скорее аккуратно вычищенного, но заброшенного дома. Сквозь электрическое освещение и тщательную вымытость как-то исподволь проступала застарелая плесневая сырость нежилого здания.

– А если не секрет, какое именно дело сподвигло вас нас пригласить? – мне отчего-то вдруг начало казаться, что идея поездки в Трансильванию была не столь уж разумна.

– Танкред! – всплеснула руками Эрика, – это невежливо...

– Ничего страшного, – улыбнулся граф, – конечно же, у меня был повод. Но думаю, будет лучше, если мы обсудим его за ужином. А пока отдыхайте и, несмотря на пол-

ную банальность этой фразы, я всё же её скажу – будьте как дома. Замок Фледерштейн в полном вашем распоряжении. Я же с вашего позволения отдам некоторые указания по хозяйству. Если что-то потребуется – господин Тунг и Альжбета с удовольствием вам помогут.

Он легко взбежал по мраморным ступеням, а Эрика мрачно посмотрела в мою сторону.

– Ты поставил его в жутко неловкое положение, Танкред, я была куда лучшего мнения о твоих манерах, – вполголоса сказала она.

– Извини, но не думаю, что он пригласил нас исключительно любоваться довоенной живописью и слушать истории о его предках.

– И что? Это повод выставлять его меркантильным дельцом, начисто лишённым гостеприимства?

– Извини, – я поёжился, – мне просто как-то не слишком понравился замок.

– Нормальный замок, – она передёрнула плечами, – самый обычный.

– У тебя такой уж большой опыт жизни в замках? – не удержался я, и сразу же пожалел.

– Хоть и поменьше, чем у некоторых, зато попав в замок, я не начинаю первым делом пялиться на всяких рыжих девиц!

Она обиженно вздёрнула подбородок и зашагала вверх по лестнице, оставив меня наедине с тремя имперскими грациями и затянутыми паутиной вазонами...

Эта компания меня не слишком радовала, и я тоже отправился наверх. Ощущение некоторой запущенности не исчезало. Замок не выглядел жилым. Скорее временно обитаемым.

На втором этаже начиналась длинная анфилада комнат. Я отправился вдоль по ней, решив отыскать библиотеку. В конце концов, там действительно могло оказаться что-то интересное.

Третья по счёту комната оказалась чуть просторнее остальных. Судя по виду – старая оружейная. Выгоревшие на солнце обои ещё хранили тёмные силуэты когда-то висевших на стенах щитов и стоявших по углам доспехов. Ближе к потолку, вне досягаемости мародёров, смогло уцелеть несколько запылённых и изрядно тронутых ржавчиной алебард. Поцарапанный стеллаж у дверей заполняла коллекция бумерангов и причудливых дубинок, явно привезённых графом из своих послевоенных странствий. Возле окна в стойке выстроился длинный ряд тщательно ухоженных винтовок и ружей. Бок о бок с дорогими лютихскими охотничьими ружьями штучной работы виднелись стандартные армейские «Скарапелли» дешёвой военной сборки...

Альжбета Йоргович стояла рядом со стойкой и задумчиво вертела в руках револьвер. Когда я вошёл, она вернула его на место и, не оборачиваясь, спросила.

– Ищите библиотеку?

– Кхм.. как вы догадались?

– Это было нетрудно...

Она шагнула ближе к окну. За чуть мутноватыми стёклами виднелись поросшие лесом холмы, волнами сбегавшие к далёкой равнине.

– Вы выглядите именно как человек, которому очень хочется узнать, как пройти в библиотеку, – добавила она.

– А вы вот не выглядите, как женщина, которая так уж горячо интересуется оружием, – заметил я.

– Отчего же? – она, наконец, обернулась, и я увидел её неожиданно большие синие глаза.

– Просто не выглядите...

– Вы ошибаетесь, – мне на секунду показалось, что она сейчас улыбнётся, но я ошибся. Лицо собеседницы осталось холодным.

– Это лишь моё впечатление... – сдался я.

– А вы сами интересуетесь оружием?

Я посмотрел на аккуратно расставленные по стойке винтовки.

– Нет.

– Неужели? Мне казалось все мужчины интересуются...

– Я в армии насмотрелся... мне хватило.

– Ах да... Вы же были на войне.

Интересно, откуда она это знает?

– Я не слишком люблю об этом вспоминать.

– Все не любят об этом вспоминать, – её лицо внезапно стало ещё более холодным и резким, губы чуть дрогнули,

и она сразу же повернулась к окну.

Я неловко потоптался на месте и осмотрелся. Через галерею дверных проёмов я заметил Эрику. Она в свою очередь увидела нас с Альжбетой, остановилась, развернулась и зашагала назад. Я хотел было её догнать, но вспомнил её встречу с Ласло и передумал. Потом поговорим.

– Так что насчёт библиотеки? – спросил я Альжбету.

– В следующей комнате, вторая дверь налево.

Библиотека оказалась просторной, но, увы, оправдывала мои худшие ожидания. Запылённые, потраченные жучком полки, тянувшиеся до самого потолка, по большей части оказались пустыми. Социальные потрясения не щадят ни книг, ни книголюбов. В эпоху больших перемен ценность приобретает исключительно то печатное слово, которое можно приравнять к штыку, и одна лишь муза пропаганды может рассчитывать на возможность быть услышанной. Остальным музам приходится ждать, пока закончат беседовать пушки. Тихие книгочеи отступают на второй план и им на смену приходят решительные молодые люди, которых старые манускрипты интересуют с сугубо прагматической стороны...

Судя по всему, сию кладезь мудрости решительные молодые люди тоже своим вниманием не оставили. Война, революция и несколько лет отсутствия хозяев сказались на библиотеке самым печальным образом. Те книги, что избежали судьбы быть пущенными на растопку и самокрутки, заметно пострадали от мышей и плесени.

Тем не менее, я проторчал в библиотеке до самого ужина, хотя, как в общем и ожидал, ничего ценного в итоге не обнаружил. Уцелевшее содержимое шкафов оказалось более чем ожидаемым и вполне традиционным для провинциальных замков бывшей Тройственной монархии. Семейная Библия, подаренная далёкому предку в шестнадцатом столетии, набор французских бульварных романов вековой давности и масса завещаний и переписок с соседями о том, кому именно принадлежит та или иная мельница или домик лесника в местечке с непроизносимым названием. Оторвал меня от их изучения господин Тунг, лаконично озвучивший сакраментальное «кушать подано».

Графа, однако, я застал не в столовой, а в большом зале, оборудованном для гимнастических упражнений. Ласло сменил дорожный костюм на белоснежную рубашку и алый шёлковый платок, отчего выглядел до безобразия аристократично. Поигрывая шпагой, он что-то говорил на ухо Эрике.

– Кхм...

– А, это вы, Танкред, – граф обворожительно улыбнулся, – постоянные разъезды требуют держать себя в форме, а фехтование – прекрасная гимнастика. Я как раз показывал мадемуазель Эрике мой излюбленный финт...

– Не знал, что ты интересуешься фехтованием...

– Но... в конце концов я имею право интересоваться чем захочу... да... и не надо вот так вот на меня смотреть, – она слегка покраснела.

– Эрика сказала, что вы тоже не чужды искусства владения клинком?

– Когда-то давно был... сейчас – чужд.

И это была правда. Того мира больше нет. Он исчез вместе с тройственной монархией, чёрными фраками и длинными бархатными платьями. Война убила его. А может того мира и вообще никогда не было. После нескольких лет окопов, колючей проволоки и ядовитых газов, мир балов и фехтования перестаёт казаться реальностью.

– Жаль, – Ласло снял фехтовальную перчатку и отложил её вместе со шпагой на скамью, – мне так не хватает достойного противника. Надеюсь, мы когда-нибудь найдём всё-таки возможность скрестить клинки.

Я промолчал.

– Думаю, ужин уже готов, позвольте пригласить вас к столу, – граф сделал небольшой полупоклон в мою сторону, взял смущённую Эрику под руку и зашагал к выходу.

Я машинально поправил бабочку, мне вдруг показалось, что она стала тесновата.

– Курите? – прозвучало под ухом.

Обернувшись, я увидел Альжбету. Она протянула мне портсигар.

– Увы, – я отрицательно помотал головой.

– Удивлена. Большинство известных мне фронтовиков курят...

– После той газовой атаки мои лёгкие стали излишне чув-

ствительны к табачному дыму.

– Прошу прощения, – её голос чуть дрогнул, но лишь на какое-то мгновение.

Следует отдать должное – повар у Ласло был отменный. А меня хорошая кухня всегда настраивала на миролюбивый и добродушный лад. К десерту я уже вполне был готов счесть хозяина более чем приятным человеком.

– Итак, – начал я, – думаю, граф, вы наконец-то удовлетворите наше любопытство касательно причин этого приглашения?

Эрика бросила в мою сторону недовольный взгляд, но промолчала.

Ласло улыбнулся.

– Несомненно. С моей стороны было бы уже совсем невежливо затягивать с этим и дальше.

Я поудобнее откинулся на спинку массивного орехового стула, демонстрируя готовность слушать.

– Как вы, наверное, в курсе, у меня есть небольшой бизнес на Востоке, – граф отставил бокал и взялся тонкими пальцами за столовые приборы.

Я не имел об этом ни малейшего понятия, но всё же понимающе кивнул.

– А залог успешного ведения дел, – продолжал Ласло, – надёжная и заслуживающая доверия команда единомышленников. И я был бы крайне рад увидеть вас двоих среди её членов.

– Хм... – только и нашёл я что сказать.

– Но почему именно нас? – спросила Эрика.

– С вами, дорогая, я уже имел честь быть знаком, и абсолютно уверен, что мне будет исключительно сложно отыскать лучшего пилота...

«Дорогая» – этот граф позволяет себе слишком много даже для потомственного аристократа, и даже после бокала вина...

– ... а о почтенном доценте Танкреде я много слышал, хотя и не имел чести до сегодняшнего вечера быть знаком с ним лично.

Я снова промычал что-то не слишком членораздельное.

– Вы хотите привлечь меня в качестве пилота? – оживилась Эрика.

– Ваша репутация во время службы в компании «Эйр Африка» была впечатляющей...

Интересно и как только ему удаётся выглядеть человеком сделавшим реверанс даже тогда, когда он сидит за столом с ножом и вилкой в руках?

Эрика заметно смутилась.

– Ну... моя тогдашняя работа не то чтобы была совсем уж такой... м-м... идеальной.

– Главное, что вы занимались любимым делом. А дела, проворачиваемые владельцами «Эйр Африка», пусть остаются на их совести.

– Если честно я уже довольно таки давно не садилась

за штурвал.... Разве пару раз для развлечения...

– Так самое время за него вернуться. Мастерство не теряется с годами. Тем более такое...

У него определённо проблемы с тактичностью. Ну нельзя же так грубо льстить! А Эрике не стоит так развешивать уши. Она же буквально растаяла!

Я понял, что необходимо срочно вмешаться...

– Вы, кажется, говорили о нас обоих?

Граф отвёл взгляд от девушки.

– Несомненно, ваши таланты тоже смогут найти достойное применение.

– Например?

– Мой бизнес немного связан... э-э-э... с геологоразведкой.

– Нефть, полагаю? Но причём здесь я?

В его взгляде что-то промелькнуло.

– Почему вы решили, что именно нефть?

– Мне так показалось...

– В любом случае это может иметь некоторое отношение к... скажем так... раскопкам. Мне казалось, что подобное может вас заинтересовать.

– Смотря что и где копать... Хотя если честно, то я в большей мере специалист по языкам, а не по раскопкам.

– Значит, я ошибался... – его голос оставался по-прежнему спокойно-учтивым, но взгляд графа мне определённо не понравился.

– А что именно надо будет пилотировать? – выплыла из мечтательной задумчивости Эрика.

Она, что даже не допускает возможности отказа?

– Мы пока не решили. Выбираем между машинами Хинкли-Пайка, Бёрли-Армстронга и Лангерса. Правда, наши партнёры имеют особое мнение...

– Последняя цельнометаллическая модель Лангерса это просто нечто, а если они реализуют свою идею трёхмоторника... а где летать и что возить?

– На самом деле не только возить, но и...

Я демонстративно закашлялся.

– Вы поперхнулись? – холодно поинтересовался граф.

Я проигнорировал его вопрос.

– Дорогая, может сначала было бы разумно выяснить общие вопросы, а уже потом начинать обсуждения моделей аэропланов?

– Танкред, я всегда мечтала снова летать!

– Я понимаю, однако это ещё не повод соглашаться на первое же предложение без раздумий.

– Но... – она чуть задумалась.

– Я не хотел спешить с выбором модели до того как узнаю мнение пилота, – невинно заметил граф.

– Лично на мой взгляд... – начала Эрика.

– Я бы предложил взять тайм-аут хотя бы на несколько дней, – снова попытался я перехватить инициативу беседы, – уже довольно поздно, а ваше предложение следует обдумать.

В глазах Эрики мелькнуло раздражение.

– Ты специально решил перебивать каждую мою фразу?

– Нет, я всего лишь предлагаю трезво взглянуть на вещи.

– Очень разумно предложение, – кивнул граф, – полагаю, мнение нашего уважаемого доцента будет крайне весомо для вас... Кстати, как я заметил, вам понравилось моё токайское?

Он едва заметно усмехнулся в мой адрес.

– Я вполне самостоятельная и современная женщина, – Эрика чуть насупилась.

– Значит, вы хотите всё обдумать и посоветоваться? – граф повернулся в её сторону.

Интересно, почему у него на гербе волк, а не змей?

– Если честно, – вздохнул я, – пока ваше предложение не кажется мне таким уж заманчивым. Я подготовил новый курс к предстоящему семестру, к тому же в этом году открывается вакансия на профессорскую должность и...

– И вы не готовы променять это на сомнительные раскопки где-то на краю мира?

– Ну, как сказать... да.

– Что ж, в любом случае, предложить стоило.

– Я вас понимаю, граф, но у меня есть правило не соглашаться на сомнительные предложения. Ничего личного.

– Правила – это хорошо. Их следует соблюдать, – граф вежливо кивнул, но его взгляд мне уже совсем не понравился, – я, например, всегда соблюдаю правила...

Очередной звон колокольчика вернул меня к реальности снова. Оглядевшись, я обнаружил, что старшина нас покинул, оставив на память лишь небольшую лужицу под вешалкой, где натекло с его плаща.

– ...вот и я говорю, пан Танкред, не стоит так расстраиваться. Возможно ведь, что это было всего лишь небольшое внешнее сходство. Правда?

Я рассеянно посмотрел на галантерейщика.

– Вы совсем меня не слушаете, – покачал тот головой, убирая стаканы, – нельзя принимать всё так близко к сердцу, – в конце концов пани Эрика могла просто пожелать немного развеяться... Хотя я вполне мог и ошибиться, вполне мог.

– Так вы говорите Рагуза, – уточнил я, поднимаясь со стула.

Глава вторая

Рагуза. Средневековая мини-республика, чудом избежавшая поглощения могущественными соседями, участия в войнах и революционных потрясениях, и оставшаяся фрагментом мира и спокойствия в нашем безумном мире. Волшебный замок на белых скалах у самого синего моря... Мечта туриста. Просто удивительно, сколько в таком небольшом городе может оказаться отелей. К вечеру все они начали сливаться для меня в один гигантский отель с одним гигантским портье, участливо смотрящим на фотографию и отвечающим «нет, мы её не видели»...

Когда окончательно стемнело, я забрался в один из номеров этого суперотеля, и прямо в одежде повалился на кровать. Южный вечер был душен и жарок.

В конце концов она ведь уезжала добровольно. Ничего не сказав. Возможно, я сам был в чём-то неправ? Может, стоило мягче относиться к её увлечениям? Наверное не стоило так возражать против того мотоцикла... И что теперь? Думаешь, мотоцикл всё решит?

Я дотянулся до бутылки, выбросил пробку в стену, и допил.

Любой скажет, что искать человека в Рагузе в разгар туристического сезона, всё равно, что иголку в стоге сена. А если этот человек – негр с рыжими волосами? Как ни стран-

но, но даже если негр... Курортные города многое повидали, и их трудно чем-то удивить. Но всё ж таки зря я тогда так... с мотоциклом... Но она могла хотя бы предупредить. Сказать что-то. Устроить сцену, наконец... Но не уезжать вот так, молча... Надо было бы послать телеграмму её отцу. Наверное. А вдруг её похитили? Нет, это просто невысказано... Это же не рыцарский роман? И в реальности не бывает драконов, похищенных принцесс, гномов и злобных колдунов.

Бутылка с гулким стуком упала на крашенные доски пола.

Потом я, наверное, заснул. По крайней мере, когда я снова открыл глаза в них било ослепительное утреннее солнце. И почему оно на юге такое яркое? А чайки такие громкие? Где-то здесь была вода. В графине. На столике.

Расправившись с графином, я дополз до зеркала. Представшее моим глазам зрелище было довольно удручающим. Запавшие глаза, двухдневная щетина, изжеванный костюм... Бродяги под мостами выглядят солиднее. Я кое-как расчесал спутанные космы, и попытался привести мысли хотя бы в какой-то порядок. Наверное, для начала стоит немного отвлечься...

Мой взгляд упал на подsunутую под дверь старательным портье свежую газету. Я наклонился. Мне показалось, что я могу отчетливо слышать, как скрежещут мои затёкшие суставы.

Завладев газетой, я обессиленно рухнул в подозрительно закачавшееся кресло и попытался сфокусировать взгляд

на буквах. Надпись на первой странице гласила:

**«Суровые южные моря. Очередное обострение
в Микронезии»**

Я бегло пробежал взглядом передовицу:

Японские морские пехотинцы установили национальный флаг на спорном атолле Пикелот. Премьер Танака заявил, что империя нуждается в надёжных границах. Директор-президент Объединённой Ост-Индской компании гросс-адмирал Хуго Ван Страттен прокомментировал японскую инициативу словами: «Если для поддержания мира и спокойствия в регионе мне придётся вывести в море даже весь мой линейный флот, я отдам этот приказ без малейших колебаний».

В свою очередь генерал-губернатор доминиона Австралии и земли Ван-Димена сэр Леопольд Кейтс выразил свою крайнюю озабоченность возникшей конфронтацией и призвал стороны к дружескому общению и хладнокровию...

Я пожал плечами и перевернул страницу.

Здесь тоже не оказалось ничего интересного. Светская хроника, перечни особо выдающихся туристов, посетивших Рагузу на этой неделе, включая профессора Геллинга и режиссёра Ланга, большая статья про очередной трансокеанский лайнер, отчёт о премьере какого-то мюзикла, рассуждение о перспективах цветного кинематографа и масса провинциальных сплетен.

Я вздохнул и отложил газету. В порядок мысли приводиться не желали, и не покидало ощущение, что я забыл что-то важное. Я прошёлся по номеру. К моему неслыханному удивлению в нём обнаружился умывальник. Странно, я не помнил, чтобы просил такой номер. Интересно во сколько он обойдётся? Впрочем, я вообще довольно скверно помнил вчерашний день.

Погружение головы под струю холодной воды слегка помогло. Отфыркавшись и вытерев лицо и волосы, я смог констатировать, что мысли наконец-то прояснились. Я снял прочитанную газету с кресла и бросил в мусорную корзину. Нужно что-то делать. Единственное, что можно делать – ходить по отелям и выяснять. Спрашивать, спрашивать и спрашивать.

Я кое-как привёл костюм в порядок, надел шляпу и вышел за дверь. Осталось вспомнить, какие отели я уже обошёл вчера, и как оптимальнее будет обойти прочие. Мысль о том, что я упустил что-то важное, по-прежнему болталась в голове. Я машинально кивнул поднимавшейся навстречу горничной, и попытался сообразить, что же я такое мог упустить. Дошло до меня уже на улице.

Я резко повернулся и бросился назад. Дремавший портье открыл один глаз и проводил меня взглядом. Похоже, внезапно вбегающие в отель посетители были ему не в новинку. Ворвавшись в номер, я метнулся к корзине для мусора. Пусто! Горничная!

Женщину я настиг на заднем дворе.

– Газета! Мусор! – только и смог пропыхтеть я.

Она испуганно отшатнулась к стене, прижав к груди де-рюжный мешок с мусором. Я попытался его открыть. Она прижала мешок ещё сильнее, что-то бормоча по-хорватски. Краем глаза я заметил начавшие появляться в окнах любопытные физиономии.

– Да отпусти ж ты его... – пробурчал я сквозь зубы и натянутую улыбку.

Стоит ей закричать и тогда мне понадобится совершенно исключительное красноречие, дабы убедить полицию, что мне был нужен только мусор...

К счастью горничная так и не закричала. С третьей попытки мне удалось добраться до мешка и добыть помятую газету.

– Спасибо...

Я сунул скомканную бумагу в карман и решительно направился вверх по лестнице. На любопытных физиономиях в окнах появилось разочарование. Горничная некоторое время смотрела мне вслед. Потом повертела пальцем у виска, и произнесла что-то не слишком внятное. Впрочем, мне показалось, что слова «совсем допился» я расслышал. И только по пути в номер мне пришло в голову, что я мог просто купить такую же газету у любого разносчика.

Альфреда Геллинга я застал в одной из комнат на верхнем

этаже Рагузского музея естественной истории.

Как меня заверил музейный швейцар:

– Их милость с ассистенткой изволят работать с коллекциями. Но готовы вас принять...

Судя по осуждающему взгляду, мой основательно помятый костюм особого впечатления на швейцара не произвёл.

Указанная им комната находилась на самой верхней площадке длинной мраморной лестницы, практически под самой крышей. Постучавшись в тёмную дубовую створку и так и не дождавшись ответа, я вошёл. За дверью оказалось длинное, заставленное шкафами и стеллажами помещение, буквально пропитанное неистребимым запахом пыли.

Я прошёл немного вперёд и обнаружил нишу, где располагался письменный стол, состояние которого вполне исчерпывающе описывалось выражением «полный хаос». Ну или «творческий беспорядок», если бы описание исходило из уст более поэтической натуры. Над столом нависал долговязый человек в помятой бархатной блузе и со сбившимся на сторону галстуком. Заслышав мои шаги, он оторвался от изучения сваленных на столе книг и поднял голову. У незнакомца были глубоко запавшие голубые глаза и светло-льняные, даже белёсые волосы, явно проигрывавшие сражение активно наступавшим залысинам.

– Э-э-э... – произнёс он, явно всё ещё продолжая мысленно находиться в каких-то весьма далёких от музея краях.

Я бросил взгляд на столешницу. Поверх кучи бумаг и книг

лежал раскрытый географический атлас. Большую часть разворота залила океанская синева, но в верхней части я разглядел нечто походившее на южную часть Индостана и остров Цейлон, а у правого обреза страниц проступали очертания Суматры.

– Осмелюсь предположить, что имею честь видеть мистера Альфреда Геллинга? – решил я нарушить затянувшуюся паузу.

– А... Да. Это я, – человек у стола вернулся к реальности и нерешительно улыбнулся, – а вы, так полагаю, тот самый Танкред Бронн?

– Да нет. Просто Танкред Бронн, – смутился я, – почему вдруг «тот самый»?

– Ну, не надо скромности, вы довольно таки известная фигура в университетских кругах. И хотя наши с вами интересы не сильно пересекаются, всё равно слышан, слышан... Ваши последние статьи в «Вестнике азиатских древностей». Вы ведь лингвист, по основному профилю, если не ошибаюсь?

Я кивнул.

– Моя главная специальность – сравнительное языкознание и древние языки. Археология, можно сказать, почти хобби.

– Жаль. Мне кажется, археология много потеряла в вашем лице.

– Я постараюсь вернуть это ей в свободное время...

Геллинг рассмеялся.

– Вы остроумны. Редкая черта для учёного. Тем более приятно узнать вас лично. Вы ведь довольно редко покидаете родной университет.

– Я домосед. А что привело вас в эти края? Не ожидал, честно говоря, встретить члена Британской академии за работой в здешних местах...

– Всего лишь члена-корреспондента, – Геллинг вздохнул, – увы, туманы свойственны Альбиону не только в буквальном смысле... Настоящему учёному там становится всё сложнее.

– Мне казалось... – начал я.

Геллинг махнул рукой.

– Не продолжайте. Это просто небольшая депрессия. Сожаления о минувшей эпохе титанов. Время гениев-одиночек безвозвратно ушло. Что нужно было учёному сто лет назад кроме острого ума, хорошей памяти и достаточного количества чистой бумаги? Теперь же и шагу не сделаешь без сложного оборудования, ассистентов и лаборантов... А на всё это нужны деньги. Банальные деньги. Наука попала в рабство к тем, у кого есть чем за неё платить.

– Вы преувеличиваете, – пожал я плечами, – учёному и сейчас есть куда приложить свой ум. Да, без лабораторий и помощи коллег обойтись сложно, но что поделать, если самое очевидное уже открыли...

– Вы во многом правы. Однако музыку заказывает тот, кто

платит...

– Но музыкант всегда может сменить оркестр...

Геллинг снова усмехнулся.

– Вы положительно должны нравиться женщинам. За словом в карман не лезете, добродушны и талантливы. О чём ещё можно мечтать? Бьюсь об заклад, ваши лекции должны пользоваться изрядной популярностью у студентов.

– Вы мне льстите. Я читаю на редкость занудные дисциплины и моё остроумие так и норовит куда-нибудь отлучиться, стоит мне только оказаться в обществе прекрасных дам...

Геллинг обернулся к столу и шумно захлопнул атлас.

– Так или иначе, но мне не по душе те, кто заказывает музыку в лондонской академии. Они слишком узколобы и предпочитают закрывать глаза на то, что не вяжется с их представлениями о мире. Но, боюсь, я слегка отвлёкся. Чем обязан вашему визиту?

Это был момент истины.

– Возможно, вы помните некоего графа фон Фледерштейна?

– Да... – в бледных глазах Геллинга промелькнули удивление и настороженность.

– Мне довелось посетить его родовой замок, около месяца назад. Увы, вы как раз тогда куда-то уехали...

– Кажется я что-то припоминаю, – кивнул он, – мне нужно было поработать в Пресбургской библиотеке... А вы, полагаю, хорошо знакомы с графом?

Я сделал неопределённый жест.

– Собственно мы тогда не закончили некоторые дела, и я рассчитывал...

– Если я не ошибаюсь, вы тогда должны были обсудить транспортные вопросы, – Геллинг снова обратился к атласу.

Я кивнул, пытаясь скрыть волнение.

– Мне бы хотелось продолжить их обсуждение с графом...

– Честно говоря, – Геллинг, изучал что-то на карте, – я совершенно не вдавался в техническую сторону дела. Он, кажется, уже нашёл кого-то... Увы, но я абсолютно не в курсе этой стороны его приготовлений.

– Насколько я мог понять, – вкрадчиво произнёс я, – граф ведь пригласил и вас к этому предприятию? Полагаете, что сможете найти у него большее понимание, чем на берегах Туманного Альбиона?

– Скорее меньшие предубеждения... – он отложил атлас в сторону, задев корешком одну из стоявших на углу стола коробок, та накренилась, и внутри забелело что-то округлое и блестящее, похожее на крупное, с грейпфрут размером, яйцо, – если честно, то я возлагаю определённые надежды на графа Ласло.

– Не сомневаюсь, хотя визит в его замок...

– Нет, нет, – воскликнул Геллинг, – не принимайте его запущенность всерьёз. Замок лишь старое родовое гнездо, дань традиции. Он бывает в нём только наездами. А на самом деле Ласло весьма многообещающий деловой человек. Вы

ведь в курсе его бизнеса?

Я снова молча сделал неопределённое движение плечами.

– У него большие связи на Востоке. Да и в Африке. Поверьте, он вполне в состоянии оказать достаточное содействие... науке.

Мой собеседник посмотрел на меня с любопытством, и как мне показалось, зарождающимися сомнениями.

– Он что-то говорил про нефть, – тут же добавил я.

– И это тоже. У графа весьма широкие интересы.

– Я полагаю, вы с ним партнёры?

Геллинг возмущённо замахал руками. Коробка на углу стола угрожающе покачнулась.

– Что вы. Нет, конечно. Всего лишь друзья. Но он разделяет мои взгляды и интересы и оказывает безвозмездную помощь в моих исследованиях...

– Упс! – я качнулся вперёд и перехватил коробку, прежде чем та слетела на пол.

– Ох! Он же мог разбиться!

Геллинг перехватил у меня коробку и быстро вытащил её содержимое. Им оказался череп. По виду – человеческий. Впрочем, он же был ещё и антропологом, и череп столь же обычный атрибут его науки, как книга для филолога...

– Какой маленький, – заметил я.

Череп действительно был странно миниатюрным, хотя и выглядел поразительно похожим на человеческий.

– Что?! – растерянно посмотрел на меня Геллинг, – ах

это... Не обращайтесь внимания, просто объект изучения... просто... ничего необычного. Моя диссертационная работа... не берите в голову.

Он резко отвернулся и поспешно убрал череп в тумбочку стола.

– Так вы должны быть как-то связаны с нашим транспортом, – добавил Геллинг, запирая дверцу, – я припоминаю некую...

Он остановился на полуслове и посмотрел на меня так, словно впервые увидел.

– Я как раз хотел обсудить с ним дополнительные моменты, – стремительно затараторил я, надеясь, что тот будет соображать достаточно медленно.

– А причём здесь я? – в голосе Геллинга проступил лёгкий холодок.

– Так сложилось, что в нашу прошлую встречу ряд вопросов остался нерешённым, а я потерял с графом контакт, и надеялся, что вы...

На лице доктора появилась лёгкая растерянность, но лишь на мгновение.

– Увы, – покачал он головой, – боюсь, что не смогу ничем вам помочь. Я не в курсе, где сейчас граф фон Фледерштейн.

– Вы раните меня в самое сердце... – вполне искренне воскликнул я, – вы были моей последней надеждой.

Учёный развёл руками.

– Мне очень жаль. Надеюсь, вы рано или поздно сможете

найти графа и обсудить с ним все детали.

– Возможно, вы в состоянии хотя бы предположить, где...

– Нет, – Геллинг снова помотал головой, – я даже понятия не имею где он может быть. Но если вдруг узнаю, то не премину сообщить, что вы его разыскивали.

– Буду премного благодарен, – я церемонно поклонился.

– Лана, проводите нашего гостя... пожалуйста.

Откуда-то из-за шкафов возникла ассистентка профессора.

– Я покажу вам выход, – прохладно заметила она.

– Не стоит беспокойства, я помню, где он...

Итак, гениальный замысел провалился... Беседа с Геллингом ни на йоту не приблизила меня к пониманию, где находится Эрика, хотя и убедила, что граф фон Фледерштейн вполне может быть в этом как-то замешан. Но и здесь никакой точности и уверенности. Зато есть уверенность, что Геллинг сообразил, что я здесь не просто так и больше мне ничего не скажет.

Я посмотрел на лежавший передо мной чистый лист бумаги. Ещё час назад я собирался написать там план действий... Отбросив карандаш я встал и прошёлся по комнате.

Возможно, стоило остаться и проследить за Геллингом? Но в музее десятков выходов и даже если он захочет связаться с Ласло, то как я узнаю каким он пойдёт? И пойдёт ли сам, или пошлёт кого-нибудь. Да и телефон, в конце концов,

никто не отменял. Нет, правильно, что я не стал пытаться за ним следить. Бесполезно...

Я поднял со столика пустую бутылку, повертел в руке и поставил на место. Газету горничная убрала, а посуду отчего-то нет. Надо будет напомнить... Хотя к чёрту. Сами разберутся.

Лист так и оставался пустым. Единственный план, родившийся в моей голове, сводился к тому, чтобы поужинать и лечь спать. Возможно, утром я смогу придумать что-нибудь получше.

Ужин произвёл впечатление приготовленного из картона. То ли повар сэкономил, то ли мне было не гастрономических изысков. Когда я поднялся в номер, уже смеркалось. Я кое-как нащупал в полутьме выключатель и повернул. Никакого результата... Н-да. Стоило выбрать отель получше. Денег бы хватило. Наверное...

Позади что-то зашуршало. Я обернулся. Пришедшийся в солнечное сплетение удар выбил из меня воздух. Когда в голове чуть прояснилось, я обнаружил себя стоящим на коленях и не слишком осмысленно шарившим руками по полу. Плохо различимая в полутьме фигура распахнула окно, вышла на узкий балкончик и осмотрелась. Затем направилась ко мне.

– Послушайте... – я попытался занять вертикальное положение, – вы ошиблись номером. У меня нет ничего ценного... ух...

Проклятье, опять в солнечное сплетение.

Неизвестный схватил меня за шиворот и поволок к окну.

– Там третий этаж! И булыжная мостовая снизу.

– Заткнись! – у незнакомца прорезался хриплый и раздражённый голос.

Нет, ну это уже слишком.

Я ухватился за косяк межкомнатного проёма. Незнакомец с ворчанием стукнул мне по пальцам чем-то довольно твёрдым. Они разжались, но одновременно локоть моей второй руки с силой ткнул неизвестного между лопаток. Тот потерял равновесие, и сделал несколько шагов вперёд, едва удержавшись на ногах, однако мой пинок в поясницу заставил его повалиться на пол окончательно.

– Ах ты...

Я дотянулся до настольной лампы. Она работала. В тусклом желтоватом свете я смог разглядеть заросшее мелкой чёрной щетиной лицо и давно сломанный и криво сросшийся нос моего визави.

Незнакомец сплюнул и попытался схватить меня за воротник. Но на этот раз удар под рёбра достался уже не мне. Нападавший откачнулся к стене, не удержался и завалился на спину, опрокинув стул и сшибая барахло с тумбочки.

– Я же сказал – вы ошиблись номером...

Незнакомец с ворчанием поднялся и отступил на несколько шагов к входной двери.

– Реакция у меня не та, что в юности, но пару сломанных

рёбер я гарантировать вполне могу, – пригрозил я, косясь на стоявшую на столике пустую бутылку, – предлагаю разойтись по-хорошему, ничего ценного у меня всё равно нет, так что вы впустую тратите время...

Грабитель запустил руку за спину и вытащил пистолет. Я расслышал, как клацнул предохранитель.

– Лицом к стене, – прошипел незнакомец, – живо...

– Но, послушайте...

По крайней мере, он не стал стрелять сразу.

– Живо, я сказал...

Я попятился, поднимая руки.

Незнакомец сделал шаг вперёд, приставляя ствол почти вплотную к моему лицу. Я отчётливо различил запах металла и оружейного масла.

И тут в дверь постучали...

Незнакомец резко отпрянул, направляя оружие в противоположную сторону. Я чуть опустил руки и прикинул расстояние до столика с бутылкой.

– Не двигайся! – прошипел грабитель, отступая ещё на шаг и пытаясь смотреть одновременно на дверь и на меня.

Я тоже сделал шаг.

Дверь закрипела и приоткрылась.

– Извините, было не заперто и я...

Свет настольной лампы почти не доходил до двери, и стоявшая в ярко освещённом проеме гостья не могла внятно рассмотреть, что происходит в номере.

– Господин Бронн? – она моргала, пытаясь что-то разглядеть.

– Внутрь! – вполголоса просипел грабитель, направляя ствол в лоб вошедшей.

– Вы не один? – она растерянно переминалась.

– Внутрь и закрой дверь, – приказал нападавший.

Девушка покорно шагнула.

– «Нет! Что ты делаешь. Как только ты закроешь дверь, он выстрелит. Беги» – я сделал ещё шаг к столику.

– Если я не вовремя... – пробормотала девушка, разглядела, наконец, пистолет и застыла на полуслове.

Я дотянулся до бутылки...

Грабитель покачнулся, выронил пистолет, нелепо дёрнулся и повалился на пол.

– Вы не представляете насколько вы вовремя... – я посмотрел на оставшееся в руке отбитое горлышко, и аккуратно положил его на столик, – Линда Бендикт, если не ошибаюсь? Как вы здесь оказались?

– Вы не пришли на встречу и я решила... Я подумала вы забыли, и... Наверное стоило подождать вас в университете? Простите мою бестактность...

– Я действительно забыл. Но крайне благодарен вам за бестактность.

Нагнувшись, я подобрал выпавшее у нападавшего оружие. Тяжёлый армейский «Кетцель». Мощный и дальнобойный пистолет с возможностью стрелять очередями. Весьма доро-

гая игрушка. Да, местные грабители явно не бедствуют... Интересно, как он ухитрился носить этот кирпич под пиджаком? Должно быть специальная кобура...

– Что-то случилось? – в лице девушки появилось любопытство.

– Небольшие разногласия. Не обращайтесь внимания. Я уже намеревался съезжать...

– Я надеялась мы сможем обсудить... – она покосилась на лежавшего на полу грабителя, – ну ту статью. Помните.

– Помню. А как Вы вообще сюда попали?

– Ну... я вас не застала в библиотеке. Узнала, что вы поехали в Рагузу. Ну и... в общем подумала, что смогу застать вас здесь и решила приехать.

– Из вас может получиться хороший сыщик. Ну или исследователь.

– М-м-м. Да. Спасибо. Так мы сможем обсудить ту статью?

– Обязательно. Но лучше в поезде. Этим курортом я сыт по горло.

Глава третья

...комментируя нашумевший репортаж Эмили Джиллиани в «Нью-Орлеан Таймс» официальный представитель Объединённой Ост-Индской компании Карл Зееховен категорически отверг возможность принадлежности капитана лёгкого крейсера Зеландия Руперта Схеффера и ряда членов его команды к специальному корпусу отдела тактической разведки, и назвал их присутствие в порту Ханианя во время печальных событий прошлого декабря «случайным совпадением». Его превосходительство особо подчеркнул тот факт, что, по словам начальника охраны порта господина Мацуо, его подчинённым не удалось опознать никого из нападавших, а предположения мисс Джиллиани о возможности разработки в разрушенных взрывом лабораториях новых рецептов удушающих газов назвал «безосновательными инсинуациями». По его словам большей нелепицей выглядело бы разве утверждение об использовании в этом деле «лучей смерти» или ещё какого-то фантастического оружия. «Мисс Джиллиани определённо стоило бы попытать удачи на ниве развлекательной литературы» – заявил в заключение беседы господин Зееховен...

– Пан Старек, вы не могли бы выключить радио?

– Вас не интересуют новости, пан доцент?

– Не эти...

Галантерейщик вздохнул, и повернул чёрный переключатель на лакированной поверхности радиоприёмника. Тот всхрипнул и замолк.

Я ещё раз осмотрел следы пены на стенках кружки.

– Меня сейчас решительно не интересуют все эти шпионские и политические игры, если честно...

– Я вас понимаю, пан Танкред, – он взял из моих рук кружку и направился к укрытому за кассой небольшому бочонку.

– Я мешаю Вашей торговле, пан Старек, пожалуй, мне пора...

– Нет-нет, у меня всё равно обеденный перерыв, – он повернул кран, я расслышал лёгкое журчание, – а вам нужно немного успокоиться, привести в порядок нервы. Вам сейчас не стоит слишком много быть одному, пан Танкред.

Я усмехнулся.

– Вы меня чересчур уж опекаете...

– Я забочусь о своём сыне, ему ведь у вас учиться, – рассмеялся галантерейщик, возвращая мне полную кружку, – а для этого нужно, чтобы вы нашли пани Эрику.

– Но как?

– Вы же учёный, пан Танкред, вы находили крошечные черепки в древних могилах и ветхие рукописи в заброшенных архивах, неужели живую девушку вам найти так трудно?

– Есть одна разница, пан Старек, черепкам и рукописям всё равно найду их или нет...

Он опустил на стул напротив.

– Вы думаете, что пани Эрика не хочет, чтобы вы её нашли?

– Я понятия не имею, хочет она или нет... – я вздохнул и залпом опустошил кружку, – но всё равно спасибо за поддержку и сочувствие, а сейчас я всё ж таки пойду.

– Ну как скажете, как скажете...

На улице я огляделся. Дожди пошли на убыль и сквозь серые тучи начало кое-где проглядывать ясное небо. Но сырость никуда не делась, и клочки небесной голубизны отражались в бесчисленных лужах.

– Доцент Бронн, если не ошибаюсь?

– Н-да... с кем имею честь?

Я осмотрел подошедшего ко мне незнакомца в синевато-сером плаще и мягкой шляпе. Высокий, широкоплечий, на правой щеке следы давнего ожога, сосредоточенный холодный взгляд из-под монокля, – не похож ни на учёного, ни на студента. Скорее уж на полицейского.

– Я Ангус О’Хара, авиатор из Дублина, – представился он, – мы могли бы поговорить?

– Возможно. Смотря о чём.

– Я разыскиваю Эрику Витт, мне сообщили, что вы были с ней хорошо знакомы...

– М-можно сказать и так.

Минутная пауза, обмен взглядами.

– Мы могли бы пройти к вам, – нарушил молчание неизвестный.

– Я бы предпочёл свежий воздух, – я взглянул на стоявшую недалеко скамейку, – там немного сыро, но я не слишком люблю приглашать в гости незнакомцев...

Тот чуть прищурился, но возражать не стал.

– Итак? – я сложил руки на груди.

– Вы не могли бы подсказать, где я могу разыскать Эрику Витт, – одними губами улыбнулся незнакомец.

– Боюсь, что ничем не могу вам помочь...

– Мы с ней были знакомы в Дублине. Она вам разве не рассказывала?

Я отрицательно покачал головой.

– Жаль... Но мне очень нужно с ней поговорить.

– Как я уже сказал, я никак не смогу вам помочь, мистер О'Хара.

– Мне рекомендовали вас как мягкого и отзывчивого человека, господин Бронн...

– Возможно они несколько преувеличили мою отзывчивость, мистер О'Хара...

– Но всё же, господин Бронн, это очень важно...

– Не мне решать, что важно для вас...

– Мне кажется, господин Бронн, вас что-то смущает.

– Есть немного...

– Что например?

– Например тот поразительный факт, что авиатор из Дублина с ирландской фамилией отчего-то говорит с русским акцентом.

– Что!? Вы ошибаетесь...

– Сомневаюсь. Вам стоило больше тренироваться...

Незнакомец слегка почесал шрам на скуле.

– Вы так хорошо разбираетесь в акцентах?

– Во-первых, я филолог...

– А во-вторых?

– Не важно...

– Ну хорошо. Оставим мистера О’Хару в покое. Если я буду с вами более откровенен, господин Бронн, это что-то принципиально изменит?

– В моём к вам отношении – несомненно. По существу же вашей просьбы, мистер...

Снова пауза и обмен настороженными взглядами.

– Шальгин. Викентий Шальгин.

– ... по существу просьбы, господин Шальгин, не уверен.

Мой собеседник усмехнулся.

– То есть вы мне всё равно ничего не скажете?

– Не скажу. Вас же не устроит, если я вам солгу?

– Нет. Просто поразительно, как вы об этом догадались, господин Бронн.

– Видимо университетская практика... Тем не менее, я действительно не мог бы ответить на ваш вопрос не солгав, даже если бы захотел.

– Вы хотите сказать, что не знаете, где Эрика?

– Именно. Но тот факт, что её внезапно стали разыскивать меня заинтересовал. Что даёт вам некоторые шансы на продолжение нашей беседы. Я могу рассчитывать на хотя бы минимальную откровенность с вашей стороны, господин Шальгин?

Пауза. Взгляды.

– Хорошо. Возможно. Я разыскиваю не столько вашу подругу, господин Бронн, сколько некоторых её... скажем так... старых знакомых. Каких и почему, я вам не скажу, можете не спрашивать. Но у меня появились сведения, что эти знакомые или кто-то из них мог связаться с мадемуазель Витт в последнее время. Если вам что-то об этом известно, то вы сделаете исключительно доброе дело, если расскажете мне об этом...

– А вы, собственно, друг семьи Витт? Старый знакомы? Любящий дядюшка?

– Офицер отделения по охране общественного порядка...

– Вот как... А какое отношение Эрика имеет...

– Надеюсь, ни малейшего. Но я просто делаю свою работу. Ничего личного, господин Бронн.

– Ясно. Увы, но мне неизвестно о том чтобы за последнее время с ней бы связывался кто-то кроме тех, кого я давно и хорошо знаю... Хотя был один трансильванский граф. Ласло фон Фледерштейн. Вы случайно не его имели в виду?

– Не думаю. Но проверю. В любом случае, благодарен за помощь. Если что вспомните, попробуйте связаться со мной. Вот моя визитка. Уж извините, на имя О’Хары. Надеюсь, это вас не очень смутит.

– Нисколько, господин Шальгин. Было очень приятно с вами поговорить.

Так внезапно брошенный «Вагнер и Ундервуд», казалось, смотрел на меня с укоризной. Увы, мне сейчас было не до научных статей. Редакции придётся немного подождать.

Я сложил руки, уперев пальцы друг в друга, и опёрся на них лбом. Итак. Сомнения оставались. Возможно, Эрика решила просто меня покинуть... Возможно. Но она даже не забрала вещи. Значит её похитили... Или она собиралась вернуться? Или просто начать новую жизнь? Эти сомнения бились в моей голове уже давно, отнимая силы и парализуя волю.

Но это не может быть случайностью. Сначала этот граф. Потом русский жандарм... Не припоминаю, чтобы Эрика пользовалась такой популярностью. У неё было не так уж много друзей, и все они были в разных концах света. И вдруг этот внезапный наплыв старых и совершенно мне неизвестных знакомых...

Я встал и подошёл к тумбочке. В конце концов, я имею право получить ответы. Если она решила всё поменять, пусть сама скажет мне об этом.

Я старательно перебрал и изучил содержимое тумбочки. Но ни на какие мысли это меня не навело. В конце концов, я же не детектив. И со следствием имел дело совсем в другом качестве... Тогда, сразу после войны и плена, в Марселе. Да и не только. Это был довольно бурный, хоть и непродолжительный этап моей биографии о котором я не слишком любил вспоминать.

Попробую последовать совету пана Старека. Научный метод. «Дедукция» как говорил герой детективных романов.

Итак, какие у меня есть зацепки?

Трансильванский граф. Можно попытаться нанести визит в его замок, но не факт что я его там застану. И тем более, что я застану там Эрику. С Геллингом я уже общался и безрезультатно. Жандарм Шальгин? Хм-м. Тут вообще что-то сказать трудно. Но от спецслужб я бы пока старался держаться подальше. Старая марсельская привычка, завидев полицейского, переходить на другую сторону улицы.

Вернёмся к Геллингу. Судя по разговору с ним, Эрика может быть с Ласло. Как он там выразился «транспортные вопросы». Эрика всё ж таки пилот. И насколько я помню, очень неплохой пилот. И ещё они собирались в какое-то предприятие. Если я правильно понял намёки Геллинга, то бизнес Ласло располагается где-то в тропиках. Вопрос – где? В Африке, Индии, на Мадагаскаре? Пожалуй, я слишком быстро сбежал из Рагузы. А теперь нет никакой уверенности, что Геллинг ещё там.

Стоп. У меня в голове щёлкнул переключатель. Вспомнил. Тогда вечером. Накануне. В библиотеке. Я видел читательский формуляр Геллинга. Помню, ещё удивился, что это он здесь делает...

Библиотекарь настороженно разглядывал меня поверх стёкол пенсне.

– Вы уверены?

– Совершенно точно. Господин Геллинг просил меня сделать ему копии несколько страниц той книги, которую читал, но я запомнил название и никак не могу с ним связаться...

Библиотекарь в задумчивости прикусил ус. Нос вздрогнул, и стёкла пенсне совершили небольшое колебательное движение.

– Хорошо, – наконец решился он, – вот формуляр.

Итак, посмотрим, что же привело лондонского профессора в наши пенаты.

В формуляре была всего одна книга.

Повесть о дальних плаваниях, осуществленных капитаном и благородным идадьго Гонсалу ди Протео, и невероятных событиях им в этих плаваниях пережитых, записанная им самим. Лиссабон. 1563 год.

Ну что ж. Посмотрим, где плавал и что пережил благородный дон Гонсалу... И чем его история смогла заинтересовать доктора Геллинга настолько, что он специально при-

ехал за ней через пол-Европы.

Согласно заверениям библиотекаря этот том должен был храниться в дальнем углу, на верхней галерее отдела старых манускриптов. Не похоже, чтобы книга была ценной или сильно популярной, раз её затолкали в такую даль.

К моему удивлению там горел свет. Силуэт девушки под лампой показался мне знакомым. Мало того, судя по пустоте на полке, она читала эту же самую книгу...

– Линда Бендикт, если не ошибаюсь?

– А! Что!? Ой... Вы меня напугали...

– Извините, я не хотел.

– Нет – нет. Всё нормально, я просто зачиталась...

Девушка заложила страницу и закрыла том.

– Разрешите? – я не дожидаясь согласия, довольно бесцеремонно опустился рядом.

– Н-да... да, конечно... вы искали меня?

– Скорее книгу.

– Книгу?

– Которую вы читаете. Последнее время она стала исключительно популярна. Просто хит сезона...

– Да? Неужели... но я не думаю... Вы шутите, господин Бронн, конечно же вы шутите. Извините, я веду себя как полная дура. Простите.

– Можете звать меня просто Танкред, и не надо так нервничать. Всё в порядке.

– Спасибо. Да. Вы тоже интересовались этой книгой?

Она перевернула том и посмотрела на обложку, словно была не до конца уверена, что читает именно эту вещь.

– Но почему? – она удивлённо посмотрела на меня.

– «У неё красивые глаза», – подумал я, – «почти как у Эрики».

– М-м-м... да... А я, между прочим, хотел вас спросить о том же.

– Почему я ей заинтересовалась?

Линда ещё раз посмотрела на книгу.

– Это... это мой шанс. Самый большой шанс в моей жизни.

– Не понимаю.

– Мне нужно открытие. Большое открытие. Никто не принимает всерьёз девушку-антрополога. Я написала целую работу со сравнительным анализом находок из гротов Фельдгофер и Ла-Ферраси. Но они даже не стали её читать. Дескать, что эта девица может найти там нового...

Она сжала кулачок.

– Но я нашла, нашла. А эти профессора только посмеялись. Мне нужно что-то, что заставит их относиться ко мне серьёзно!

– Я понимаю, но причём здесь книга? Какое она имеет отношение к древним костям?

– Я.. Я не знаю...

– Отличный ответ, – я не смог сдержаться.

– Нет. Я понимаю, что это выглядит глупо, но... но...

в ней что-то есть. Что-то, чего я пока не нашла.

– А почему вы так решили?

Она запнулась и опустила взгляд.

– Это не совсем правильно... но...

Я молча ждал. Не стоило её торопить в этот момент.

– Но профессор Геллинг специально приехал за ней сюда.

Он что-то узнал, но в Лондоне его идеи не приняли. Тогда он стал действовать сам. Связался с какими-то людьми, которые готовы профинансировать его исследования...

А вот это уже очень интересно.

– И вы решили последовать за ним?

– Да. Я даже хотела записаться в его команду, но он отказал... У него уже был ассистент. Ассистентка. Лана Танхофер. Мы с ней как-то вместе стажировались. К тому же Лана мне сказала, что они занимаются исследованиями в области физиологии и неврологии. А это совсем не моя область.

Я вспомнил молодую женщину, провожавшую меня с музейного чердака в Рагузе. Возможно я был тогда не в лучшей форме, но она почти не отложилась у меня в памяти. По крайней мере, я так и не смог вспомнить её лица. Странно, обычно я хорошо запоминаю лица...

– И тогда я решила, выяснить, что же такое нашёл профессор Геллинг. Я точно знала, что находка профессора как-то связана с раскопками.

– Честно говоря, не совсем понимаю, как физиология и неврология могут быть связаны с раскопками, – заметил я.

Ещё меньше я понимал какое отношение ко всем этим медицинским и биологическим исследованиям имел граф Ласло с его нефтяным бизнесом... Или там что-то другое? Или я вообще на ложном пути?

– Практически наверняка они вообще никак не связаны. Просто это два разных исследования. И я решила... решила, что раз профессор занялся другим... в общем я решила этим воспользоваться – собравшись с силами выдохнула девушка.

– И как в этом может помочь эта книга?

– Пока не знаю. Но в ней должно быть что-то важное. Лана говорила, что профессор не мог начать исследования до приезда сюда.

– Так и сказала?

– Ну, точнее она сказала, что без этого инвестор не давал денег... но не думаю, что это важно, – она немного смутилась, – наверное, они просто хотели уверенности, что профессор не передумает присоединиться к их проекту, и не займётся раскопками с помощью кого-то другого. Или может они поставили ему условие, что он сначала будет работать на них, а уже потом раскопки...

– «И ты решила его опередить?» – подумал я, но вслух спросил:

– Так вы что-то нашли?

– Немного... Я сравнила данный экземпляр с теми, что хранятся в библиотеках Лиссабона и Лондона, и выяснилось, что только в этом имеется окончание шестой главы. В двух

других оно было утеряно.

– Осталось всего три книги?

– Ну... Это сочинение никогда не пользовалось особой популярностью и судя по всему имело очень скромный тираж. Почти четыреста лет прошло... По крайней мере больше экземпляров я не нашла.

– Понятно. И вы уже посмотрели эту главу?

– Да.

– И что там?

– Честно говоря – ничего особенного. Гонсалу рассказывает о своем столкновении с эскадрой одного из малайских султанов. Он смог отбиться, но его корабль был сильно потрепан в бою. Ему пришлось бросить якорь на одном из островков, чтобы отремонтироваться и пополнить запасы пресной воды. Туземцы снабдили его ещё и припасами. Вместо благодарности он захватил в плен несколько десятков местных жителей и, вернувшись в Малакку, продал их в рабство...

– Оборотистый малый был этот благородный идальго Гонсалу ди Протео, надо заметить. Может он там клад закопал?

Девушка не отреагировала на моё замечание, погружённая глубоко в свои мысли.

– Я ума не приложу, что могло заинтересовать профессора Геллинга, и как это может быть связано с раскопками?

– Война и работорговля – решительно никак, остаётся только остров, – заметил я, – наш мореплаватель не сооб-

шил, где именно он чинил свой корабль?

– Сообщил. У ди Протео отвратительный слог, но он весьма педантичен и похоже был неплохим капитаном. Единственная земля в указанном месте это архипелаг Тобелан. Его ещё иногда зовут Острова Скелета.

– Жизнеутверждающее название...

– Да нет. Просто если смотреть на карте острова действительно кажутся похожими на свернувшийся в клубок человеческий скелет. Игра природы.

– И чем эти острова могли заинтересовать профессора?

– Не знаю. Я специально изучила всё, что нашла про них, но так и не поняла. Сегодня я ещё раз взяла книгу, чтобы перечитать. Думала, что могла что-нибудь не заметить или не понять. Но нет, мне так и не удалось отыскать чего-то нового.

– Угу. А что вы отыскиали старого? Эти острова чем-нибудь замечательны?

– В общем-то ровно ничем. Кучка вулканических островков далеко к западу от Суматры.

– Там кто-нибудь живёт?

– Почти никого. Несколько сотен рыбаков-туземцев. Острова либо гористы и покрыты джунглями, либо низменны и песчаны, и совершенно не пригодны ни для земледелия, ни для скотоводства. Лежат далеко от основных торговых путей и вокруг много рифов. Да ещё и в зоне тайфунов. Туда редко кто из моряков заходит. Нет ясности даже с тем, кому эти

острова принадлежат.

– Вот как?

– Их открыли португальцы, но такое впечатление, что они никому толком не были нужны. Сейчас на них претендуют Иберия – как наследник Португальского королевства, Гевтония – на основании Акта о Протекции, распространяющего суверенитет короны на все владения Ост-Индской компании, и австралийцы, ссылаясь на то, что острова не были перечислены среди спорных владений, остающихся за Ост-Индской компанией по договору о разграничении, и, соответственно, должны были отойти Британии.

– И никто не пожелал решить этот вопрос окончательно?

– Пока нет. Видимо, острова настолько бесполезны, что ни одна из трёх держав не хочет тратиться на то, чтобы закрепить их за собой.

– Если мне не изменяет память, где-то на Суматре был найден тот самый череп обезьяночеловека, с которого всё и началось? Возможно, профессор рассчитывал на этих островах тоже что-то найти? – вслух подумал я.

– На Яве, если точно. Не думаю. Острова мелкие и вулканические. Там вряд ли будут удобные места для раскопок. Кроме того в книге нет ни малейших намёков на что-то подобное. Зачем тогда, спрашивается, профессор её разыскивал?

– А вы уверены, что в книге нет ещё никаких сведений?

– Абсолютно.

– Загадка, – вздохнул я, – и что вы планируете теперь делать?

– Не знаю, – её голос звучал совершенно искренне, – я надеялась что-нибудь найти.

– «Я тоже» – подумалось мне, – «впрочем, не исключаю, что я как раз и нашёл, определённо стоит обратить внимание на эти Острова Скелета».

– Ну что ж. Спасибо за интересный рассказ. Не буду вам больше мешать, сударыня... – я вежливо раскланялся.

– Но я так и не спросила, а что вы хотели узнать... – донеслось мне вслед.

– Не обращайтесь внимания, ничего существенного.

На улице было уже темно, и опять пошёл дождь. Я горько пожалел, что надел лёгкий плащ. Он быстро промокал и почти не грел. А я, плюс ко всему, ещё и не взял с собой зонт.

С тем чтобы не слишком много идти под дождём я направился к остановке трамвая не напрямую, а в обход, мимо переулков и служебного выхода из библиотеки. Дальше, но большая часть пути под крышами.

Из темноты доносился какой-то шум. Странно, уже поздно для доставки новых книг...

– Нет, пожалуйста, не надо! – тишину разрезал сдавленный крик.

Голос был женский. И я его узнал...

– Заткнись, дура, – прошипел кто-то, раздался треск раз-

рываемой ткани и звук падения тела.

Я резко повернул в темноту и сощурился, пытаясь что-нибудь разглядеть.

– Проваливай, живо, я тебе сказал, – ответила темнота.

В ней сгустилась тень, в руке тени что-то тускло блеснуло.

– Тебе что, повторять надо?

Я нащупал правой рукой мусорный бак.

Тень сделала угрожающий жест ножом. Я сорвал с бака крышку и швырнул. Нож зазвенел по мокрому асфальту, темнота разразилась проклятьями, тень нагнулась, подбирая выпавшее оружие.

Я воспользовался минутной задержкой, ухватил бак за ручки и отправил в полёт вслед за крышкой. Глухой удар и очередная волна проклятий удостоверили меня, что цель поражена. Я потянулся за следующим баком.

Тень приподнялась, и стремительно заковылял прочь.

– Вы в порядке? – спросил я, разглядывая в полутьме бледный силуэт на асфальте.

– Кажется да, спасибо... только пальто... оторвались почти все пуговицы.

– Наши встречи, похоже, начинают перерастать в привычку, мадемуазель Бендикт, и что меня особенно настораживает, мне при этом приходится всё время бить кого-то по голове...

– Это была случайность, клянусь, – девушка поднялась на ноги и отряхивала пальто.

– Не думаю, – прозвучало за спиной.

Этот голос я тоже узнал.

– Сегодня что, вечер сюрпризов!? – я едва не подпрыгнул от неожиданности.

– Зато вам уж точно не приходится жаловаться на скуку и одиночество, господин Бронн...

Под шляпой поблескивал знакомый монокль.

– Господин Шальгин, если не ошибаюсь.

– Именно...

– Вы всё время здесь были?

– Ага...

– Могли бы вмешаться, что ли.

– Вы и сами прекрасно справились, господин Бронн...

– Я поражена вашей отвагой, – заметила Линда и переместилась так, чтобы я оказался между ней и жандармом, – не ожидала такой решительности от учёного...

– Боюсь, дорогая, вы ещё очень многого не знаете о вашем учёном друге...

– Я ей не друг... – буркнул я

– Я вам не дорогая... – вспыхнула у меня за спиной девушка.

– Да – да. Я уверен, что нам троим есть много чего рассказать друг другу. Но лучше это делать где-нибудь, где не так сыро и холодно... Если мне не изменяет память, господин Бронн живёт совсем неподалёку.

– С чего это вы решили, что я собираюсь пригласить вас

в гости?

– Боюсь, что у вас нет особого выбора. Узнать подробности вы явно хотите, а появление нас в такое время в моём отеле в обществе неизвестной дамы без пуговиц на пальто... хм... боюсь это может вызвать нездоровое внимание со стороны администрации. В здешних краях довольно пуританские нравы...

– Итак, все друг с другом знакомы? – я оглядел собравшихся, отодвинул пишущую машинку и присел на край стола.

– Ну... – с некоторой опаской протянула Линда.

– Меня зовут Викентий Шальгин и это мой лучший вечер в этом проклятом дождливом городе, – он довольно, по—кошачьи, потянулся, – наконец-то я нашёл зацепку.

– Полагаю, вы наиболее информированы из всех присутствующих, – сухо заметил я – это даёт вам право говорить первым.

– Не возражаю. Думаю, вы уже догадались, что ваши постоянные встречи с мадемуазель Бендикт не слишком случайны?

– Возможно, – я посмотрел на девушку, та заметно покраснелась и потупилась.

– Линда прибыла сюда, рассчитывая выяснить подробности о Геллинге, но не застала его. Узнав о том, что тот интересовался Эрикой...

– Интересовался Эрикой? – я непонимающе посмотрел на Викентия, – Геллинг? Но зачем?

– Это я пока выясняю. Возможно, это как-то связано с вашим графом. Так или иначе, но её она тоже не застала. Поэтому вышла на вас. Но тут вы так стремительно умчались в Рагузу, что ей пришлось ехать за вами. Видимо ничего в итоге не выяснив, она занялась штудированием книг, а также связалась с неким человеком, который был замешан в отъезде Эрики...

– А вот с этого места поподробнее, – я одёрнул жилет и нагнулся ближе.

– Мне нужна эта находка, – тихо сказала Линда, поднимая взгляд странно блестящих глаз, – я не могу просто так отказаться... это дело всей моей жизни... я должна что-то показать университету...

– Ради всего святого, – поморщился Викентий, – вот только этого не надо, слёз нам ещё и не хватало...

– Но я говорю правду...

– Это хорошо, хорошо. Осталось ещё сказать с кем и где вы собирались встречаться сегодня вечером. Уверен, господин доцента это тоже крайне интересуется.

– Угу, – промычал я.

– Его зовут... его зовут Фитц. Конрад Фитц...

Шальгин вопросительно посмотрел на меня. Я раздражённо пожал плечами.

– Понятия не имею, кто такой. Я что, должен знать весь

город?

– Он говорил... он говорил, что расскажет, куда поехала Эрика, – Линда прикусила губу и переводила испуганный взгляд с одного из нас на другого.

– Где? – спросил Викентий

– Когда? – спросил я.

Коридор был узким. Тусклая лампочка едва освещала облупившиеся стены, пахло кислым супом и перегаром. Снизу доносились приглушённые звуки музыки. Там располагался модный, но не слишком дорогой дансинг.

Викентий постучал в дверь и предусмотрительно сдвинулся в сторону. В отношении своей профессии он не соврал, профессионализм был заметен.

– Кто? – прозвучало с той стороны.

– Это я... Линда... Вы назначили мне встречу.

– Э? – в голосе с той стороны довольно отчётливо послышалось удивление, – как ты...

– Я могу войти?

– М-м-м... – из-за двери раздался отчётливый скрип мебели.

Викентий пинком распахнул дверь, и мы ввалились туда почти одновременно.

Долговязый небритый тип отскочил к стене, привычным жестом поднимая руки.

– Не стреляйте!

– Мы и не собирались, – ухмыльнулся Викентий.

На небритом лице появилось довольно кривое подобие улыбки, тёмные глаза остались настороженными.

– Конрад Фитц, – сказал жандарм.

– Нет, я не...

– Ты не понял, я не спрашиваю, я констатирую, – Шальгин брезгливо осмотрел стул, отряхнул и сел.

Я прошёл чуть дальше в небольшую комнатку. Последней зашла Линда. Фитц бросил на неё мрачный взгляд.

– Не будем терять времени, – Викентий положил руки на стол перед собой, и размял обтянутые кожаными перчатками кулаки, – ты сообщаешь нам детали касающиеся Эрики Витт, мы уходим, ты остаёшься. Все счастливы и довольны. И что важно – никто при этом не пострадает.

– Но вы не можете...

Шальгин отрицательно покачал головой. Фитц затравленно посмотрел на меня.

– Можем... – кивнул я.

Фитц обмяк и опустился на табурет рядом с обшарпанным комодом. В наступившей тишине отчётливо заскрипела кожа новых перчаток, когда жандарм снова размял пальцы. Потом снизу донеслась очередная волна приглушённого джаза.

– Мы внимательно слушаем.

Шальгин в этот момент напоминал застывшего в ожидании добычи ястреба. Холодный взгляд, круглый монокль,

напряжённое лицо.

– Мне приказали помочь ей уехать по липовым документам. Я сделал бумаги и передал ей. Я больше ничего не знаю.

– Имя...

– Чьё?

– Имя!

– Шейла Т. Л. Дэйбрек-Вильямс. Британский паспорт.

– Только паспорт?

– М-м-м...

Скрип перчаток.

– Ещё лётная лицензия на то же имя. Пилотирование любых аэропланов и водительские права...

– Всё?

– Да. Клянусь. Я только сделал ей документы. Это моя работа...

– Кто тебе заплатил?

– М-м-м...

– Кто. Тебе. Заплатил.

– Если я начну сдавать клиентов, со мной перестанут иметь дело...

Скрип перчаток.

– Хорошо, хорошо... сейчас... я скажу, скажу... только я не знаю, как его звать.

– Ты же обещал сказать.

– Но я действительно не знаю!

– Сказать – подразумевает сообщить что-то осмысленное

и полезное. Ты полагаешь, ты сообщил нам что-то осмысленное и полезное?

– Он китаец. Вы легко его найдёте. Такой здоровый китаец. На борца похож. И всё время в котелке ходит. Ни разу не видел, чтобы он его снимал... И говорит очень мало.

– «Господин Тунг очень полезный и исполнительный человек, разве что несколько молчаливый...» – всплыли в моей памяти слова трансильванского графа.

– Я больше ничего не знаю, – покачал головой Фитц. Мне стало его жалко.

– Думаю, что мы пока не закончили... – Шальгин нахмурился, – молчаливых китайцев довольно много. И ты ведь не работаешь без рекомендаций? Мало ли кто придёт к тебе за документами. Вдруг он из полиции? Кто тебе рекомендовал этого китайца?

Фитц поджал губы и с ожиданием посмотрел на дверь.
– Даже не думай...

Конрад вздохнул, понуро опустил плечи, потом моментально, словно подброшенный пружиной, вскочил, пинком опрокинул стол на жандарма, выхватил непонятно откуда пистолет, подскочил к стоявшей у дверей Линде и спрятался за ней, приставив пистолет к голове девушки.

– Я убью её! – истерично выкрикнул он, – только попробуйте сделать хоть один шаг...

Я застыл. Такого оборота я не ожидал, да и оружия у меня с собой не было. Викентий слетел со стула и теперь кряхтел,

придавленный опрокинутым столом.

– Давай не будем спешить, – пробормотал я, лихорадочно пытаюсь найти в комнатухе что-либо, пригодное в качестве оружия.

Линда, до которой только сейчас дошло, что происходит, резко побледнела.

– Нет... – всхлипнула она.

– Молчи, дура, застрелю... не вздумайте подходить – он лихорадочно переводил взгляд с одного из нас на другого, – бросьте оружие.

– У меня нет оружия, – честно признался я.

– Врёшь! Бросай или я выстрелю!!

– Не выстрелишь, – пробормотал Шальгин, пытаюсь выбраться из-под стола, – у тебя одна заложница, а нас двое. Ты переживёшь её на пару секунд.

Глаза Линды расширились.

– Я прострелю ей ногу... – ухмыльнулся Фитц, – бросайте оружие.

– Бросай... – сказал я жандарму.

– Это глупость...

– Лучше бросить, я не хочу лишних жертв.

– Он пристрелит и её и нас...

– Бросайте! – заорал Фитц, пятясь к двери.

– Послушай... – начал я.

– Молчать! Или ты немедленно бросишь пистолет, или я прострелю ей ногу! Считаю до трёх! Раз...

Мы с Викентием переглянулись.

– У меня нет пистолета, – пробормотал я.

– Два...

Длинное багровое пятно вытянулось по стене от того, что только что было затылком Фитца. Он выронил пистолет и, развернувшись вокруг своей оси винтом, рухнул на пол. И только потом я расслышал звук выстрела.

– Чтоб... – только и произнёс так до конца и не вылезший из-под опрокинутого стола Викентий.

Оставшаяся одиноко стоять Линда медленно подняла руку к окровавленному виску, смазала кончиками пальцев кровь и, не поворачивая головы, поднесла руку к лицу. Потом её глаза закатились, и она сложилась, рухнув поверх тела Фитца.

Теперь выругался уже я.

В проёме возникла грузная высоченная фигура. В руке неизвестного был внушительных габаритов револьвер.

– Я просил стрелять только в самом крайнем случае... – пробормотал Викентий, отбрасывая придавивший его стол в сторону.

Я нагнулся к девушке и ощупал висок и затылок.

– Она ранена?

– Нет, это кровь Фитца...

Линда тихо застонала и попыталась открыть глаза.

– Ты мог промахнуться и задеть её, – проворчал Шальгин в адрес незнакомца, попутно выворачивая карманы трупа.

– Я похож на человека, который может промахнуться? – пробасил тот.

– Каждый может промахнуться... даже я, – Шальгин недовольно поднялся, – у этого негодяя, похоже, ничего с собой нет. Никаких документов. Мы опять потеряли нить...

– Мне нужна вода и платок, – сказал я, – она не может идти в таком виде...

– Куда идти? – не слишком отчётливо пробормотала Линда.

– Куда угодно, только подальше отсюда. Не думаю, что мы сможем вразумительно объяснить полиции, что здесь случилось.

Глава четвёртая

Линда выбралась из ванной и теперь старательно вытирала голову вафельным полотенцем.

– «Ей повезло, что у неё короткая стрижка», – подумал я, – «у этого громилы просто гаубица какая-то, бедняга Фитц...»

Я перевёл взгляд на сидевшего в углу нашей гостиной незнакомца. Кожаные подтяжки охватывали массивные плечи, а на мускулистых загорелых предплечьях, видневшихся из-под закатанных рукавов, белели старые шрамы. Перебитый нос и рассечённый когда-то давно лоб шарма ему тоже не добавляли. От нечего делать незнакомец старательно протирал фланелькой тяжёлый револьвер.

– Сорок второй калибр? – спросил я.

– Он самый. Финк и Мейсон. Добротный и надёжный ствол. Не люблю новомодные пукалки...

– Кстати, я всё как-то забываю вас представить, – заметил Викентий, – Удо Крандт – прошу любить и жаловать.

Громила перекинул револьвер в левую руку и приложил указательный палец правой ко лбу.

Линда осмотрела полотенце, и отложила его в сторону.

– Итак?

Мы переглянулись.

– Откроем карты, – сказал я, – как минимум трое из при-

сутствующих желают разыскать Эрику, а вот насчёт минхеера Крандта я не уверен...

– Я просто зарабатываю деньги, – сообщил тот.

– Удо – вольный стрелок, – усмехнулся Викентий, – во всех смыслах.

– Вы – убийца? – воскликнула Линда.

– Мне всё равно как называться, я просто делаю свою работу и получаю за это деньги...

– Это... это... вы страшный человек, господин Крандт. Неужели у вас нет желания заниматься чем-то другим? – похоже, девушка была поражена всерьёз.

– Мои предки всегда жили охотой – на оленей, бобров, енотов... Только зверей с годами становилось всё меньше, а людей всё больше. Я сменил добычу. Охотиться на людей нынче прибыльнее.

– И вы никогда не задумывались о какой-нибудь профессии?

– Нет, – покачал тот головой, – мой отец говорил, что мальчик обязан в жизни научиться минимум четырём вещам – ходить, говорить, бить и стрелять, – остальное необязательно... Я решил, что этой науки мне вполне хватит.

– Это ужасно, – покачала головой Линда.

– Предлагаю вернуться к делу, – вздохнул Викентий, – наш уважаемый хозяин подал весьма здравую мысль. Поскольку у нас одна и та же цель, разумно будет объединить усилия по её достижению.

Линда с большим подозрением глянула на Крандта.

– К сожалению, – продолжил жандарм, – мы не смогли выяснить все подробности у нашего покойного знакомого Фитца...

Он тоже бросил взгляд на Крандта. Тот остался невозмутим.

– ... и в силу этого не можем быть уверены в причастности к делу графа Фледерштейна...

– Можем – подал голос я.

– Да?

– Я догадываюсь, кто оплачивал документы Эрики. Судя по описанию Фитца, это был один из людей графа...

– Отлично, – Викентий встал и хищно прошёлся по комнате, – это меняет дело и избавляет нас от дополнительного расследования. Как я понимаю, мадемуазель Бендикт смогла что-то разыскать в библиотеке?

– Ничего определённого. В книге, которой интересовался профессор Геллинг, не было чего-либо необычного...

– Архипелаг? – спросил я.

– Возможно. Но как он связан с профессором и графом?

– Есть другой путь, – я перевёл взгляд на Викентия, – мы можем выяснить, куда и когда выехала из страны Эрика. Раз мы знаем, на какое имя были выданы документы, полиции не составит труда выяснить детали...

На лице жандарма возникло лёгкое смущение.

– Я не настолько на дружеской ноге с местной полици-

ей... – признался он.

– То есть ваше расследование носит частный характер?

– Да... В какой-то степени. В конце концов это не важно. У меня... нас... управления охранения имеются основания для этого розыска.

– Все бы чувствовали себя куда увереннее, если бы вы не слишком эти основания скрывали, – нахмурился я.

– Нет. Я не уполномочен об этом говорить. Могу лишь заверить, что вашу подругу это никак не коснётся. Мне нужна от неё только информация. Большого я сказать не могу.

Я задумался. Мне это не нравилось. Но в одиночку шансы найти Эрику выглядели призрачными. Особенно если в деле, так или иначе, замешаны спецслужбы.

– Хорошо, – примирительно сказал я, – но не рассчитывайте тогда на абсолютную искренность с моей стороны. Секреты могут быть или у всех или ни у кого.

– Пусть так, – после некоторого размышления сказал жандарм, – не будем делать вид, что никто ничего не скрывает... Надеюсь, это не слишком мешает нашему сотрудничеству?

– Как знать. Но если нет другого выхода...

– Нет, – заверил меня Викентий.

– Хорошо. Если мы не можем получить данные от таможни, значит придётся искать другие зацепки.

– Я навёл справки о бизнесе графа – примирительно сказал жандарм, – он владеет компанией «Нуара Таскет» с цен-

тральным офисом в Моулмейне.

– Это в Бирме, – решила внести свою лепту в разговор Линда.

– Он что, торгует чаем, тиковым деревом или фруктами? – спросил я.

– Нет, компания имеет лицензии на ведение геологоразведки, картографирование, строительные работы...

– Странно. А почему тогда в Моулмейне?

– Нейтральная территория, – сказал Викентий, – Бирма независимое государство. Формально. Фактически в Нижней Бирме хозяйничают крупные корпорации не слишком желающие афишировать свою деятельность. Они платят налоги в казну бирманского короля, и тот не слишком рвётся вмешиваться в их работу. Очень многие это ценят. Высоко ценят.

– И что нам это даёт? – спросила Линда.

– Ну как минимум мы можем попробовать узнать, что за проект задумал граф, да и просто нанести ему дружеский визит в крайнем случае...

– Вы достаточно боевито настроены, господин доцент, – рассмеялся Викентий.

– В отличие от Вас, мне от Эрики нужна не только информация, – огрызнулся я.

– Хорошо, хорошо, ничего личного, – он примирительно поднял руки, – но у меня нет никаких связей в тех краях. Как мы сможем что-то узнать?

Я задумался.

– Есть у меня один... знакомый. В Адене. Возможно, он сможет нам помочь.

– Вы полны сюрпризов, доцент, – усмехнулся жандарм, – даже для меня...

Я выдвинул ящик комода и достал лакированную деревянную кобуру. В ней лежал автоматический пистолет фирмы братьев Маузер.

– Что это?! – широко открыла глаза Линда, – откуда он у вас?

– Я же говорил, что вы ещё очень многое не знаете о нашем почтенном учёном... – усмехнулся Викентий.

– Подарок из Африки, – сказал я, – память о визите в Капштадт. Давно не пользовался, но после сегодняшнего дня предпочту иметь его под рукой. Не выношу, когда мне тычут в лицо пистолетом, а я безоружен...

– Плохая компоновка, – сказал Крандт, – магазин перед спуском, длинный затвор, длинный ствол. Бьёт сносно, но слишком уж здоровый для такого калибра...

– Меня устраивает, – я положил кобуру на стол, – итак, к чему мы пришли?

– К объединению усилий, – Викентий сел на стул, – с этого момента будем действовать как одна команда. И раз уж пошла такая пьянка, можете звать меня просто Вик...

– Ну... – замялась Линда, – я бы, конечно, предпочла чтобы вокруг меня было побольше науки и поменьше стрельбы,

но в общем... в общем я согласна.

– Отлично, – сказал я, – а что насчёт нашего гостя?

Крандт убрал револьвер в подвешенную на боку кобуру.

– Зависит от размера оплаты...

Я перевёл взгляд на Вика.

– Аванс я внёс. В дальнейшем, возможно, придётся скинуться. Но у меня предчувствие, что такой человек как Удо нам ещё не раз понадобится, – сказал тот.

– В данном случае мне кажется, что вашему предчувствию стоит поверить, – сказал я, – но меня немного смущает одна деталь.

– Какая?

– Что будет, если кто-то предложит господину Крандту больше?

– Могу вам обещать, что если это случится, то у вас будет возможность перебить ставку, – усмехнулся тот, – я работаю с частными заказчиками, и мне нужно заботиться о своей репутации.

Если посмотреть на карту Индийского океана и прилегающих территорий, то в глаза не может не броситься их преобладающая двуцветность. Сами цвета могут быть различными, но всё же по установившейся традиции в большинстве атласов это будут красный и серо-синий. Красный – владения британские, серо-синий – тевтонские. Второе, что бросится в глаза – чересполосица. Красный и серо-синий будто

специально чередуются. Сероватая Южная Африка сменяется алой Восточной и такой же Южной Аравией. Огромным красным пятном сверкает Британская Индия, а сразу за ней синеватой сталью отсвечивает почти столь же огромный тевтонский Индокитай и ожерелье Ост-Индских архипелагов, тянущееся от Цейлона до Соломоновых островов. Завершает картину алый контур британской Австралии.

Эта цветовая конфигурация придаёт Индийскому океану устойчивую репутацию места, набитого линкорами и крейсерами обеих держав как банка сардинами. А линкорам и крейсерам нужны порты. Впрочем, торговым кораблям они нужны не меньше. Самые значительные из портов лежат на трассах, соединяющих основные владения держав друг с другом. У тевтонцев это Батавия, Тринкомали, Занзибар и Капштадт. У бриттов – Сидней, Бомбей и Аден... И вот именно в Аден – столицу западной части колониальной империи и северные ворота в Индийский океан, мы и направились.

Но наш интерес был далёк от линкоров и крейсеров. Человека, на чью помощь я надеялся, звали Арнольд Морли, и он был всего лишь владельцем одного из многочисленных ночных клубов колониальной столицы. Ещё он был известным поклонником джаза и заслуженным победителем конкурсов на лучшую ресторанную кухню в этих краях. Что само по себе уже было достаточно весомым поводом нанести ему визит. Однако сейчас меня интересовал немного другой

товар. По существу основной, которым последние годы торговал Арнольд Морли. Информация.

Мистер Морли встречал нас в собственном заведении. Ну точнее не то чтобы прямо встречал. Когда мы вошли, он беседовал с несколькими чернокожими музыкантами. Заметив нас, он всплеснул руками.

– Опять дела... Увы, увы. Эдвард, Луи, я вынужден перед вами извиниться, но это не терпит отлагательств, Сэм проводит Вас за кулисы. Ещё раз прошу меня извинить...

– Кто это был? Лица мне показались знакомыми... – проворчала Линда.

– Джазовые музыканты, – я взял её под локоть и отвёл к столику, – как не жаль, но сюда мы пришли отнюдь не слушать музыку.

– Действительно жаль... – вздохнул Вик, – похоже, наш хозяин в ней сносно разбирается, и мы многое потеряли. Я бы с удовольствием послушал обоих.

– Ну вот, пришлось оторваться от беседы, – подошёл к нам улыбающийся Морли.

Он был в абсолютно белоснежном смокинге, отлично шедшем к его смуглой коже и тёмным волосам. Мать Арнольда была японкой, и он унаследовал от неё изящное лицо и характерный шарм.

Я пожал ему руку и представил остальных.

– Линда Бендикт – начинающий антрополог, Викентий

Шальгин – путешественник...

– Путешественник?

– Именно, – Вик обаятельно улыбнулся.

– Не знал, что это стало профессией, – покачал головой

Арнольд.

– Мы вам не очень помещали? – пробормотала Линда.

На её лице отчётливо проступило характерное ошарашенно-потустороннее выражение. Вид и манеры Арнольда почему-то всегда оказывали на молодых и неподготовленных девушек подобное воздействие.

– Ну что Вы, – он галантно пододвинул ей стул, – разве могут какие-то дела затмить столь прелестную гостью...

Вик чуть заметно усмехнулся.

– Итак, – вмешался я, – давайте к делу...

Арнольда я в какой-то степени мог назвать даже другом. В какой-то – бывшим деловым партнёром. Мы с ним впервые столкнулись во время моей поездки в Африку, тогда мы с Эрикой впервые встретились. Собственно именно он рекомендовал мне её в качестве пилота. Чем навсегда заслужил мою благодарность. Со своей стороны я помог ему своими связями в Европе. Позже мы время от времени обменивались письмами и мелкими услугами.

Сейчас мне от него требовалась услуга куда более значительная, но я надеялся, что наше общее прошлое и его знакомство с Эрикой убедят его мне её оказать. Впрочем, было понятно, что окажет он её не совсем даром. В первую оче-

редь Арнольд был дельцом.

– Я смог кое-что разузнать, – Морли провел кончиками пальцев по своим аккуратно постриженным тоненьким усикам, – но надеюсь на вашу ответную щедрость...

Вик подозрительно скосил на меня взгляд. Линда, похоже, вообще не слишком хорошо представляла, что происходит... Арнольду не стоит так беззастенчиво пользоваться своим очарованием. Она же всю жизнь провела в университетских стенах и совершенно беззащитна.

– Что ты хочешь за информацию? – спросил я.

– За информацию? Исключительно то, что стоит за неё брать. Другую информацию, – он откинулся на спинку кресла, – вы расскажете мне, что вам известно о Фледерштейне и Геллинге, а я расскажу вам, что смог узнать. Полагаю, это будет честной сделкой, приятной и полезной обеим сторонам?

Вик легонько наступил под столом мне на ногу.

– Думаю, нам нужно чуть-чуть подумать, – буркнул я.

– О. Конечно. Вы не возражаете, если я похищу вашу прелестную спутницу? – он нагнулся к Линде, – вы танцуете?

– Кто? Я!? Ну я, вообще-то...

– Значит, танцуете. Это совсем просто, я вам сейчас покажу...

Вик проводил их взглядом.

– Он не слишком многого хочет?

– У тебя есть другие варианты? – спросил я.

– Нет... Но всё равно.

– Думаю нам лучше оказать ему эту услугу. Помощь Арнольда может нам ещё понадобиться. У него огромные связи на Востоке.

Вик оглядел клуб.

– Не обращай внимания на мишуру. Арнольд очень влиятельный человек. И что главное – очень сведущий.

– Ну хорошо. Ты предлагаешь рассказать ему всё? – судя по тону Вика эта идея ему решительно не нравилась.

– Мы располагаем какой-то крайне ценной информацией? – хмыкнул я, – картами сокровищ, формулами получения нефти из каменного угля или бензина из сливочного масла? Не будь параноиком, Вик. Нам нужно то, что он узнал.

– Даже такой ценой?

– Мне – даже такой. Ты можешь ничего не рассказывать...

– Мы теперь одна команда, Танкред. Не забывай. Ладно, я понимаю, что для тебя стоит на кону. Извини, профессиональная привычка не выдавать ничего лишнего.

– Я понимаю...

Танец закончился. Арнольд и Линда вернулись к столику. Девушка раскраснелась и запыхалась, Морли же выглядел традиционно свежим и выглаженным. Даже роза в лацкане не покосилась.

– Итак? Вы подумали?

– Я уже немного ввела мистера Морли в курс дела, – бла-

женно улыбаясь, произнесла Линда.

Мы с Виком одновременно вздохнули. Похоже, наши переговоры с самого начала были бессмысленны...

– Мы знаем не так уж много... – начал я рассказ.

Закончив его, я ожидающе посмотрел на Арнольда.

– Твоя очередь...

Тот кивнул и сложил перед собой изящные пальцы.

– Вас интересует официальная информация, неофициальная информация или слухи?

– Всё по очереди, – сказал Вик.

– Официально компанией «Нуара Таскет» единолично владеет сам Фледерштейн. Он же является её директором и заключает самые крупные сделки. Рядовыми сделками и технической рутинной работой занимается исполнительный директор Джакомо Лизарди. Офис компании находится в Моулмейне. Других контор или отделений у компании нет, если не считать арендованных складов и помещений на Цейлоне, Ост-Индских островах и в Сомали. Как правило это небольшие временные площадки без постоянного штата. Не думаю, что они вас интересуют. Основная сфера деятельности «Нуара Таскет» – подряды на ведение картографических, геодезических и геологоразведочных работ. Также сдача в аренду специального оборудования для подобных работ и оказание консультаций.

– У них есть собственный штат геологов?

– Небольшой, как правило, они предпочитают привлекать

к работам внешних специалистов...

– Чем компания занята сейчас?

– Данная информация не раскрывается как конфиденциальная, – Арнольд усмехнулся, – поговаривают о разведке нефтяных месторождений, но нельзя исключать, что это лишь ширма или дезинформация. Моулмейнские компании так скрытны...

– А что неофициально?

– Неофициально... Ну к примеру у компании очень своеобразная история.

– А именно?

– «Нуара Таскет» была основана пятнадцать лет назад Гербертом Роллингсом.

– Роллингс... Роллингс... что-то знакомое, – пробормотал я.

– «Тексако Ти Роллингс», – улыбнулся Арнольд.

– Они? Но это же одна из крупнейших нефтяных и химических компаний. Какое отношение к ним имеет Фледерштейн?

– Никакого. Герберт был наследником бизнеса и, если вы ещё помните довоенные времена, весьма экстравагантной личностью. Жертвовал огромные суммы на разного рода сомнительные прожекты и идеи – организацию спиритических сеансов, материализацию чувственных идей, поиск затонувших континентов. Организовал две помпезные экспедиции в Гренландию и на Свальбард, которые так и не нашли

там следов гиперборейцев. Лично искал памятники атлантов в джунглях Южной Америки...

– Действительно, большой оригинал.

– В конечном итоге убоявшись за свой бизнес родственники попытались сместить его с поста председателя совета директоров «Т. Т. Роллингс» под предлогом того, что у него не все дома. Случился большой скандал и несколько судебных разбирательств. Доказать, что он псих родственникам так и не удалось, но от руководства компанией его в итоге отстранили. Под предлогом «нервного переутомления», и за хорошие отступные.

– И на них он учредил «Нуара Таскет»?

– Именно. И продолжил свои поиски древних затонувших материков и исчезнувших рас уже в Индийском океане.

– А причём здесь Фледерштейн?

– После войны Роллингс сделал его совладельцем.

– За какие заслуги? – поразился я, – тогда Ласло было немного за двадцать, он отставной гусар и не думаю, что много понимал в добыче нефти и поисках атлантов.

– Граф Фледерштейн-старший был другом Роллингса и активным сторонником его идей. Видимо это и обусловило столь удачную карьеру его сыну.

– А что дальше?

– Дальше Роллингс едва не довёл компанию до полного банкротства, и в итоге сгинул в одной из своих рискованных экспедиций. «Нуара Таскет» на тот момент имела ку-

да больше долгов, чем активов, поэтому родственники Роллинга не особо претендовали на его долю акций, и не возражали против того, чтобы Фледерштейн стал единственным владельцем. Отмечу, что при нём дела компании сразу пошли в гору. Граф интересовался не древними цивилизациями, а полезными ископаемыми, что положительно сказывалось на бизнесе.

– Весьма поучительная история, – сказал Вик, – но хотелось бы знать, чем компания занята сейчас.

– Неофициально известно, что компания получила подряд от очень серьёзного заказчика. Настолько серьёзного, что большинство моих информаторов предпочли с этим не связываться...

– Но вы что-то всё таки узнали? – не удержался Вик.

– Увы, – покачал головой Арнольд, – мои возможности не беспредельны, а подробности заказа крайне засекречены. Фледерштейн даже сократил штат, уволив добрую половину сотрудников, кроме самых проверенных. Всё что мне удалось выяснить – речь идёт о большом подряде на геологоразведочные работы. Судя по всему, заказчик очень боится, что конкуренты могут его опередить...

– Это информация не так уж много стоит, – нахмурился Вик.

– Поэтому я взял на себя труд составить список последних закупок «Нуара Таскет», которые мне удалось отследить...

Он протянул небольшую тетрадь.

– Здесь указаны все денежные операции компании за последние полгода. Думаю, это вам поможет.

– А сами вы какие-то выводы из этих операций ведь наверняка сделали? – Вик нервно постукивал кончиками пальцев по скатерти.

Арнольд покачал головой.

– Самое главное в торговле информацией, – сказал он, – не путать эту информацию с собственными домыслами. Меня просят достать сведения. А вот делать выводы каждый должен сам. В мою работу это не входит. Мало того, чем меньше я вникаю в информацию своих клиентов, тем крепче сплю. Вы даже не представляете, в каком огромном количестве некрологов в качестве причины смерти можно было бы написать – «он слишком много знал». А я всё ж таки рассчитываю дожить до старости...

– Хорошо, – сказал я, – а что насчёт слухов?

– Слухи утверждают, что клиент «Нуара Таскет» не частная организация. Это могут быть военные, может разведка, может быть флот... Но это лишь слухи. Никаких гарантий.

– Чей флот? – спросил я, – чья разведка?

Арнольд молча развёл руками.

– Ну, хотя бы подозрения?

– Увы... Единственное, что я знаю, незадолго до заключения контракта Фледерштейн был в Пекине.

– В Пекине? – встрепнулся Вик, – маньчжуры? Не смешите мои штиблеты. Армия богдыхана годится только тун-

гусов по тайге гонять. Значит японцы?

– Я только предоставляю информацию, – повторил Арнольд, – выводы уж делайте сами...

– Это могли быть и твои соотечественники, – заметил я, глядя на Вика.

– Нет. Это исключено. Я бы знал... Наверняка... Почти наверняка. Это должны быть японцы. Или, в крайнем случае – англичане.

– Если это вообще правда, – хмуро сказал я и повернулся к Арнольду.

– Это всё?

– Тот кивнул.

– Нам нужно идти, – сказал я, – Вик, проводи Линду, я вас сейчас догоню...

Он подозрительно покосился, но возражать не стал.

– Тебе не стоило так с девушкой, – сказал я Арнольду.

– Не могу удержаться, она такая... свежая, наивная, ты даже не представляешь, как сложно подобное встретить в наше время... я даже подумываю, что мне стоит...

– Арнольд, не порти ей жизнь...

– Ладно, ладно. Роль заботливой тетушки тебе определённо не идёт.

– Ты смог выяснить, зачем Вик разыскивает Эрику?

– Пока нет. Но это не официальное поручение. Формально он в отпуске и действует не от имени русских спецслужб.

– Какое-то частное дело?

– Не трепыхайся так. Я знаю Эрику. С этой стороны тебе ничего не грозит. Не думаю, что они раньше встречались. Пока я могу предположить, что это как-то связано с её ирландским прошлым. Но в Европе у меня мало связей. Если что-то выкопаю – свяжусь.

– Спасибо, Арнольд...

– Мы же друзья, Танкред. И ещё. Моулмейн не самое приятное место. Возьми этот адрес. Если обернётся скверно, попытайся разыскать этого человека. Он мне кое-что должен. Можешь рассчитывать на его помощь... В разумных пределах, конечно. И только если не будет другого выхода. Не стоит расходовать тяжёлую артиллерию по пустякам.

В иллюминатор была видна лишь чуть тронутая рябью, сизая с металлическим отблеском поверхность Индийского океана. Цеппелин держался на предельных высотах, и море отсюда казалось скучным и ровным.

Даже удивительно, как далеко забралась цивилизация. Кто бы ещё лет пять-десять назад мог подумать о регулярных авиарейсах в Бирму? Однако начатый ещё тридцать лет назад проект строительства железнодорожной линии из Палестины в Индию, так и не был завершён. Слишком уж беспокойные края... А людям нужно путешествовать. И чем дальше, тем быстрее они хотят это делать. И вот уже старые добрые пароходы уступают своё место цеппелинам и аэропланам.

Я отвернулся от иллюминатора и продолжил изучение газетной колонки «новости науки».

...как заверил нас британский профессор, столь популярные в последнее время идеи поиска выживших обезьянолюдей не имеют под собой ни малейших научных оснований. «Мы наблюдаем выжившего питекантропа каждый день, глядя в зеркало» – пошутил профессор. «Эволюция неизбежна – примитивные формы становятся всё совершеннее. Новейшие открытия доктора Дарта в Южной Африке и профессора Блека недалеко от китайско-маньчжурской границы лишь подтверждают этот факт. Мы можем наблюдать плавное изменение от ранних примитивных форм к более развитым поздним. Причём процесс этот демонстрирует сходные тенденции во всех частях света. И хотя далеко не все ещё готовы признать факт человеческой эволюции, наука не стоит на месте, и уже скоро мы сможем в деталях увидеть в наших музейных коллекциях весь ряд переходных форм, ведущих к современным человеческим расам от самых древних их вариантов. И в этом ряду не может быть места всяческому „йети“ и прочим суеверным порождениям человеческой фантазии. Их настоящее место рядом с драконами, птицей Рух и прочими сказочными персонажами...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.